Я. П. НОВИЦКІЙ.

П15 2/91

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

ОБЪ УРОЧИЩАХЪ И ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ

ЗАПОРОЖЬЯ.

ПРЕДАНІЯ И РАЗСКАЗЫ,

собранные въ Екатеринославщинѣ.

1875—1905 г.

АЛЕКСАНДРОВСКЪ.
Типографія при училищѣ глухонѣмыхъ.
1909

Я. П. НОВИЦКІЙ.

1,3

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

ОБЪ УРОЧИЩАХЪ И ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ

ЗАПОРОЖЬЯ.

ПРЕДАНІЯ И РАЗСКАЗЫ,

собранные въ Екатеринославщинѣ.

1875—1905 г.

АЛЕКСАНДРОВСКЪ.
Типографія при училищѣ глухонѣмыхъ.
1909

Печатать дозволено.

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 28115
10 – XII 1930 г.

Предисловіе.

Настоящій сборникъ является продолженіемъ напечатанныхъ нами въ „Адресъ-Календарѣ“ г. Александровска разсказовъ „Малорусская и запорожская старина“ (1907), „Малорусскія народныя преданія, повѣрія и разсказы“ (1907) и „Запорожскіе и гайдамацкіе клады“ (1908). Въ I отдѣлѣ сгруппированы преданія объ урочищахъ праваго и лѣваго береговъ Днѣпра, служившихъ нѣкогда обиталищемъ казаковъ, о степныхъ рѣкахъ, могилахъ и трактахъ; во II-мъ—преданія объ историческихъ лицахъ, воспѣтыхъ народной поэзіей. II въ томъ и другомъ отдѣлахъ народная память отмѣчаетъ много интересныхъ воспоминаній изъ прошлаго *Дикаго поля*, о его кочевникахъ, первыхъ колонизаторахъ и осадшихъ, дополняя разсказы легендами о чудовищныхъ зміяхъ, о характерствѣ казаковъ, чудесной силой героевъ въ загробной жизни и проч. Попутно, во многихъ разсказахъ указывается также на уцѣлѣвшія пепелища казаковъ и отдѣльныхъ ватажковъ, на слѣды стоянокъ древнѣйшихъ народовъ, сокрытые клады и проч. Въ послѣднемъ отдѣлѣ вниманія заслуживаютъ разсказы о запорожскомъ кошевомъ *Сиркѣ*, хвастовскомъ полковникѣ *Палiѣ*, послѣднемъ кошевомъ запорожской Сѣчи *Калнышѣ* и кошевомъ задунайскихъ казаковъ (потомки запорожцевъ) *Гладкомъ*. Въ интересахъ мѣстной старины, нѣкоторые разсказы I отдѣла дополнены личными изслѣдованіями, другимъ удѣлены поясненія и архивныя справки.

Я. Новицкій.

Александровскъ, 15 Октября 1909 г.

Отдѣлъ I.

УРОЧИЩА.

а) Правый берегъ Днѣпра.

1) Балка Гадючая у порога Гадючаго на Днѣпрѣ.

(О множествѣ гадовъ въ старину.—Легенда о Змiѣ).

Въ стари годы, по бальци *Гадючiй*, бувъ густый дубовый лисъ и скризь по надъ балкою рослы груши и кыслыци. Въ бальци стико водылось гаду, шо страшно було и ходыть. Въ осены, тоди саме, якъ гадъ поховается въ норы, ходемо, було, по груши и кыслыци. Отсе, було, якъ прогорнешъ лыстя пидъ деревомъ, то такъ и нагребешъ мишокъ грушъ. Та ще й груши не яки небудь: мняки та добри.

Ще, кажутъ, въ Гадючiй бальци водылысь полозы, а нызче порога Гадючого, на остривку, була, та и теперь есть—*скота* (пещера, нора), де жывъ Змiй съ трема головамы; его вси боялысь... Оце якъ летыть, то такъ весь свитъ и засяе! Це було давно. Змiивъ, кажуть, водылось тутъ три: одынъ на *Перуни* (островъ), другый на Гадючому порози, третiй—на острови Хортыци. На Хортыци, якъ разъ въ *Высчiй Голови,* есть и теперъ глыбока скота; мы iи такъ *Змiевою* и звемо.

Супротивъ острива *Пурысового,* шо нызче порога Гадючого, покопани *городкы* (редуты), де, кажуть, война була, а ще нызче, де Старый Кронцвей (менонит. кол. Кронцвейде), скризь по писку багато невелычкихъ могылокъ; воны вси

мовъ обкладени каминнямъ. Якъ бувъ я малымъ и пасъ нимецьку череду, то було часто находю мидни стрилочкы: писля велыкого витру, або писля дощу, такъ и лежать, було, поверхъ писку.

Дѣдъ Ѳока Горянецъ, 71 г. Вознесенка, Александр. у., 10 Августа 1886 г.

Небольшія могилы, о которыхъ упоминаетъ разсказчикъ, разбросаны на песчаномъ склонѣ къ Днѣпру, а нѣкоторыя расположены попарно. Если взять въ соображеніе, что на ближайшемъ островѣ Пурисовомъ въ 1877 г. отмыта теченіемъ толща человѣческихъ костей на значительномъ песчаномъ пространствѣ, то нельзя не прійти къ догадкамъ о существовавшемъ здѣсь нѣкогда побоищѣ. Мѣстность эта, во всякомъ случаѣ, является интересною и достойна серіознаго изслѣдованія.

Я. Н.

2) Балка Бабурка и давніе ея обитатели.

На бальци, шо звемо *Бабуркою,* жывъ запорожець *Бабура.* Тамъ, кажуть, колысь и ричка була глыбока та очеретувата; була рыба и ракы, було звира и птыца богато. Биля Бабуркы и на Хортывському острови жылы запорожци Шевци, Довгали, Громуха, Кучугура, Головко, та ще де яки. Якъ закупылы нимци бабурську землю, то котри хазяевыти козакы,—перебралысь въ слободу Вознесенку,[1]) та въ *крипость,*[2]) а котри бурлакы та рыбалки,—зжылы викъ биля Днипра. Швець, Довгаль—це велыки пріятели моему дидови. Розсказувавъ покойный батько, шо попервàхъ, въ Вознесенци, було всего нàвсего 13 хатъ и вси запорозьки. Тоди, було, до дида зъижаються запорожци гулять видовсюды: зъ балкы *Биленькои,* съ пидъ *Лысои горы, Крутого Яру,* зъ *Велыкого Лугу.* Въ Крутимъ Яру жывъ бурлака и харахтернык

[1]) Ближайшее къ Александровску село.

[2]) Александровскъ.

Каминнык съ Харсуномъ. Ти, кажуть, багато грошей вывезлы съ Польши. Каминнык подався въ Чорноморію, а Харсонъ остався въ Крутому Яру. Скушно стало одному, а тутъ ще и паны гонять; винъ кынувся въ г. Александривскъ и прыставъ до Василя Ляшенка. Багато грошей було у Харсуна! Якъ умеръ,—зажывъ тоди Ляшенко и зъ мужыка ставъ купцемъ! Съ цихъ козацькихъ грошей пишлы жыть сыны и унукы Ляшенка.

Дѣдъ Степанъ Власенко, 86 л., с. Вознесенка, Александр. у., 25 Февраля 1890 г.

3) Балка Бабурка и р. Средняя Хортица.

(По воспомин. старожиловъ меннонитовъ).

На этой балкѣ жилъ запорожецъ *Бабура*, отчего и балка получила названіе *Бабурки*. Этой балкой течетъ въ Днѣпръ и р. *Средняя Хортица*.

О Бабурѣ сохранилось много воспоминаній. Въ 1789 г., меннониты, по прибытіи, застали его вблизи Днѣпра. Онъ былъ заслуженный казакъ, жилъ въ домѣ, обставленномъ оружіемъ и хорошимъ хозяйствомъ, имѣлъ хорошій фруктовый садъ и къ нему, жившіе здѣсь простые запорожцы-рыбаки, относились съ особымъ уваженіемъ. [1]) Одѣвался онъ по казацки, носилъ хорошо отрощенные усы и на головѣ чуприну. Когда явилась первая партія меннонитовъ на островъ Хортицу, онъ пріѣхалъ къ депутату Геннеру познакомиться, а на слѣдующій день, на обзаведеніе, прислалъ ему по парѣ гусей, утокъ и куръ. По пріѣздѣ нѣмцевъ, однако, онъ оставался

[1]) По исповѣднымъ росписямъ Покровскаго Собора въ г. Александровскѣ за 1782—1785 г., видно, что на р. *Средней Хортицѣ* былъ поселокъ и дача „Его свѣтлости, князя Потемкина“, гдѣ жилъ поручикъ Иванъ Бабура съ женою и сыномъ. Въ поселкѣ *Средняя Хортица* отмѣчены „малороссіяне козацкаго званія: Сѣроштанъ, Задирака, Шаповалъ, Моисей Бабура, Кузьма Шугай и Андрей Верба.“ Впослѣдствіи, жители поселка, изъ боязни закрѣпощенія, перемѣстились въ воинскую казацкую слободку Нескребивку (Вознесенку, Александров. у.) и въ посадъ Александровскъ, нынѣшн. уѣздн. городъ.

недолго, распродалъ лошадей, скотъ и переселился въ Черноморію. Послѣдовало за нимъ не мало и другихъ казаковъ, обытавшихъ въ *Великомъ Лугѣ*.

Въ то время, на гористомъ склонѣ къ Днѣпру, неподалеку отъ балки Бабурки, было брошено много казацкихъ усадьбъ, съ хорошими садиками, откуда меннониты брали молодыя деревья для посадки.

Рѣка Средняя Хортица была въ то время, хотя и узка, но глубока, рыбная, поросшая непролазнымъ камышемъ. По лѣвую сторону, р. Средней Хортицы, на степи, обращенной къ Днѣпру, уцѣлѣли четырехугольные окопы, въ родѣ редутовъ. На этихъ мѣстахъ, говорятъ, запорожцы ставили стожки сѣна и окапывали рвами, въ предупрежденіе отъ степныхъ пожаровъ.

На балкѣ Бабуркѣ, близъ впаденія ея въ Днѣпръ, была русская слобода, которая переведена въ другое мѣсто послѣ 1803 г., когда на той же балкѣ, въ одной верстѣ отъ Днѣпра, основана была меннонитская колонія *Бурвальдъ* (въ народѣ Бабурка).

Ниже балки Бабурки, жилъ запорожецъ *Громуха*.[1]) Онъ нѣкоторое время жилъ еще послѣ 1803 г., такъ какъ нѣмцы помнятъ его, какъ зажиточнаго и хлѣбосольнаго сосѣда. Бывало, кто запоздаетъ по пути изъ Высшей Хортицы въ Низшую, то всегда найдетъ у него ночлегъ и гостепріимство, такъ какъ степь была покрыта рослой травой и кустарниками, гдѣ водилось много волковъ и потому была не безопасна. Случались въ то время, нерѣдко, и разбои.

По разсказамъ меннонитовъ к. Бурвальдъ:— Юліуса Петкау 86 л., Абрама Левина 78 л. и кол. О-въ Хортицкой Ивана Гильдебрандта 63 лѣтъ. Записано въ Маѣ 1887 года.

---

[1]) На островѣ Хортицѣ, близъ паромной переправы, сохранилось названіе *Громушиной* балки и скалы. Здѣсь, передаютъ старожилы, казакъ Громуха держалъ ватагу рыбаковъ, здѣсь же стоялъ его рыбачій кошъ.

Я. Н.

4) Рѣчка Нижняя Хортица.

(Смѣна населенія).

По разсказамъ сторожиловъ и архивнымъ изслѣдованіямъ.

Послѣ паденія Запорожской Сѣчи въ 1775 году, на рѣчкѣ *Нижней Хортицѣ* доживали свой вѣкъ б. ч. семейные казаки — Леонтій Поповичъ, Федоръ Задерака, Максимъ Нечепій, Ѳома Самарскій и др., занимаясь рыбной ловлей, охотой, пчеловодствомъ и скотоводствомъ, нагуливая, по преимуществу, хорошихъ верховыхъ лошадей.—Подъ 1780 годомъ, въ дѣлахъ Покровскаго Собора г. Александровска, впервые встрѣчаемъ мы „Слободу *Любимовку,* Екатеринославскаго Намѣстничества, Его Свѣтлости Князя Григорія Александровича Потемкина, заселяемую у р. Днѣпра, при рѣчкѣ Нижней Хортицѣ съ правой стороны". Въ 1783 году, по даннымъ того же Собора, Любимовка отнесена „Ея Сіятельству, графинѣ Катеринѣ Васильевнѣ Скавронской", имѣвшей громадныя помѣстья на лѣвой сторонѣ Днѣпра, на рѣчкѣ Конкѣ [1]). Въ 1784 г. Любимовка считалась въ Хортицкомъ приходѣ, съ церковью въ слободѣ Ново-Григорьевкѣ—(Хортицѣ тожъ), кн. Потемкина, на р. Верхней Хортицѣ [2]), а въ 1789 г. имѣла собственный молитвенный домъ во имя святителя Николая. Настоятелями молитв. дома были: въ 1789 и 1790 г.-польскій выходецъ, священникъ Петръ *Оводовскій* и съ 1791 по 1801 — валахскій выходецъ, священникъ Михаилъ *Андреевъ*. Въ 1801 г., по купчей, земля графини Скавронской (съ 1799 г. по замужеству—графиня *Литто*) Любимовка перешла помѣщику Тайному Совѣтн. Михаилу Павловичу *Миклашевскому,* въ то время Новороссійскому губернатору. По этому случаю, управляющій имѣніями графини Скаврон-

[1]) До 60000 дес. при слободахъ—Ново-Григорьевкѣ, Больше-Екатериновкѣ (Кушугумовка), Мало-Екатериновкѣ (Краснокутовка), Царицыномъ Кутѣ (Подстепное), Веселой и Хитровкѣ. Помѣстье это первоначально именовалось также „дачей Его Свѣтл. кн. Гр. Алекс. Потемкина."

[2]) Нынѣ на этомъ мѣстѣ двѣ богатыя меннонитскія кол.—*Хортица и Розенталь.*

ской на р. Конкѣ, Тит. Сов. Митроф. *Свѣшнъ,* донося Преосвященному Аѳанасію Епископу Новороссійскому и Днѣпровскому о данной ему владѣлицей довѣренности перевесть крестьянъ изъ Любимовки на лѣвую сторону Днѣпра,—просилъ разрѣшенія на перенесеніе молитвеннаго дома въ слободу *Веселую.* [1]) Въ 1802 году, вслѣдствіе ВЫСОЧАЙШАГО Именнаго Указа, Даннаго Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Опекунства иностранныхъ и Домоводства, земля при с. Любимовкѣ, въ количествѣ 12223 д., перешла отъ Миклашевскаго по купчей меннонитамъ въ количествѣ 150 семействъ, переселеннымъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію „изъ Хортицкихъ деревень," и въ пользу этихъ же покупщиковъ остался и молитвенный домъ. [2]) Въ 1803 г., занявъ берега Н-Хортицы, меннониты поселились на лѣвой сторонѣ ея, противъ пепелища Любимовки—справа. Рѣчка Нижняя Хортица беретъ начало у колоніи Шенебергъ (Смоляная) и течетъ на протяженіи 15 верстъ. Балка, по которой течетъ Н. Хортица, носитъ названіе *Капустянки.* По разсказамъ старожиловъ, въ балкѣ этой, въ свое время, запорожцы имѣли левады и разводили капусту, а отсюда осталось за нею и названіе.

При впаденіи р. Нижней Хортицы въ Днѣпръ, она глубока и рыбна на протяженіи менѣе версты, далѣе же въ степь, въ лѣтнюю пору, почти высыхаетъ. Въ весеннее половодье широкая, при устьѣ, долина рѣчки заливается версты на двѣ и получаетъ названіе *лимана;* въ это время съ Днѣпра заходитъ много рыбы, по преимуществу короповъ и лещей для терки, и поэтому здѣсь бываетъ большой уловъ. При ловлѣ, русскіе рыбаки употребляютъ невода и сѣти, а меннониты охотятся ружьями и остами (острогами).

Въ 2-хъ верстахъ отъ Днѣпра, въ степи, съ балкой Капустянкой, справа, соединяется другая глубокая и живо-

---

[1]) Въ отвѣтъ на это, Консисторіей поручено было Маріупольскому Духовному Правленію представить справку о количествѣ душъ въ слободѣ Веселой и ближайшихъ къ ней деревняхъ,—но отвѣта послѣдняго при дѣлѣ нѣтъ. (Арх. Покр. Соб.)

[2]) Подл. купч. крѣп. хранится въ Хортицк. Вол. Правленіи.

писная балка *Колючая*. По преданіямъ, такое названіе балка получила потому, что прежде въ ней кустились терновникъ и шиповникъ, а открытые склоны ея поросши были ползучимъ травянымъ растеніемъ *Якорцами* (Tribulus terrestris L), почему для босоногихъ пастуховъ была непроходимой. Надъ балкой Колючей, слѣва, на склонѣ, уцѣлѣли слѣды редута, валы котораго имѣютъ въ длину 70 и ширину 40 шаговъ, что представляетъ уклоненіе отъ типа часто попадающихся здѣсь Миніховскихъ укрѣпленій, б. ч. квадратныхъ.

Рыбаки д. Разумовки говорятъ о существованіи въ обѣихъ балкахъ запорожскихъ кладовъ.

15 Сентября 1884 г. *Я. Н.*

5) Урочище Бѣляй.—Пески.

За *Розумовкою,* не больше якъ зъ версту, биля Днипра, есть урочыще *Биляй;* въ цимъ урочыщи бувъ колысь густый лисъ и жылы Запорожци *Биляи,* або *Билявци,* видъ того воно такъ и прозвано. Недалеко видъ Биляя, есть друге урочыще *Каневське,*—тамъ жывъ козакъ *Каневськый.*

Розсказувалы колысь стари диды про губернатора Матлаша.[1]) Ця земля, де теперъ Бабурка, Розумовка, Биленька и инчи слободы, була вся его, вона досталась ему за безцинокъ видъ Розумовського и Каменського.[2]) Шо за добрый, кажуть, чоловикъ бувъ губернаторъ Матлашъ, такъ такихъ ридко и земля роде. Разъ, кажуть, обызжавъ винъ степъ и наткнувся на землянки въ урочыщи *Биляи.*

[1]) Миклашевскій, Михаилъ Павловичъ, Тайн. Совѣтн., Екатеринославскій губернаторъ,—1801—1804 г.

[2]) Въ „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ“ 1887 г. стр. 63, сынъ бывшаго губернатора, Андрей Михайловичъ Миклашевскій, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о цѣнахъ на землю въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія. „По предложенію двухъ фельдмаршаловъ Каменскаго и Разумовскаго, отецъ мой купилъ у нихъ жалованныя земли, въ количествѣ 60000 дес. степной и луговой земли въ Александровскомъ и Екатеринославскомъ уѣздахъ по 25 к. *ассигнаціями* за казенную десятину.“... „Продалъ колонистамъ Хортицкаго

— Шо тутъ за люды жывуть?

— Запорожци!

— Може Чорноморци?

— Ни, пане,—Чорноморци въ Чорноморіи, а мы за порогамы.

— Такъ запорожцивъ уже нема!

— Воны есть, пане, та не стико, якъ було... Мы запорожцямы булы, запорожцямы и помремо.

— Чы такъ, то й такъ! Хто-жъ васъ тутъ поселывъ?

— Силы, пане, землянкамы, якъ ще земля була козацька!

— А жывете чымъ?

— Ловымъ рыбу, плодымъ скотъ, коней, бжолу.

— А сіете шо?

— Хлибъ на степу, а биля хатъ—тютюнь, капусту, соняшныки, баштаны...

— И нихто вамъ не запреща?

— У вашои мылости,—дай вамъ Господь довгого вику,—стико земли, шо добрымъ конемъ за день и не оббижышъ.

— И то правда!.. Идить же, братци, жыть до мене въ *Биленьку*, пороблю вамъ хаты: у мене салдатъ не будете давать, а въ вольнихъ слободахъ беруть; не будете и панщыны робыть.

Воны послухалы и переселылысь. Правда, стари жылы вольно, а дитямъ ихъ прыйшлось уже не такъ: изъ вольнихъ козакивъ тай сталы крепакамы. Якъ тамъ кажуть: „у панивъ шыроки ворота входыть, а узьки выходыть“,—

округа, гдѣ населилась Капустянка (Блюменгортъ), Бабурка (Бурвальдъ), Устровикъ (Нейостервикъ) около 12000 дес. по 2 р. 50 к. за десятину.“

Въ переводѣ на серебро, земля куплена по 7 к., продана по 72 коп. за десятину. Мы имѣемъ копію купчей, совершенной тѣмъ же Тайн. Сов. Миклашевскимъ 15 Октября 1802 г., изъ коей узнаемъ, что „доставшаясь ему по купчей крѣпости земля отъ Ея Сіятельства графини Катерины Васильевны *Литто*, при дачѣ Нижней Хортицѣ, она жъ Любимовка, 12223 дес., продана имъ переселяемымъ изъ Хортицкихъ деревень 150-ти семействамъ меннонитовъ за 24 т. руб, ассигнаціями,“ при чемъ издержки 1230 р. 33 к. приняты Миклашевскимъ на свой счетъ. Такимъ образомъ, земля въ количествѣ 12223 д., на наши деньги перешла меннонитамъ за 6227 р. 28 к. или, считая десятину въ 57 к., а съ расходомъ—въ 54 коп. серебромъ. *Я. Н.*

такъ було и тоди: на якого пана земли жылы запорожци,— за тымъ ихъ и запысалы въ ревызію. Съ тихъ козакивъ Биляивъ розвелось въ Биленькій стико, шо на собаку кынь, а Биляя влучешь. Запорожци Биляи жылы ще, кажуть, въ *Великому Лузи,* шо теперъ Канкрынська плавня, въ урочыщи *Холуюватому,* шо супротивъ *Налывача.*

Дидъ мій, Трохымъ *Пазюкъ*, жывъ землянкою тамъ, де теперь нимецька слобода *Нызча Хортыця,* биля лыману; и его переселывъ въ Биленьку губернатиръ Матлашъ. „Иды, каже, диду, до мене въ слободу дожывать вику!“ Послухавъ дидъ, та ось и нашого роду розвелось тутъ чымало.

Тамъ ще, за Розумовкою, биля урочыщъ Биляя и Канивськòго и уньять биля Крутого Яру есть пискы, а на тихъ пискахъ або люды жылы, або жъ військо стояло: скризь пѣчыща, черепкы та маслакы. Тамъ находылы стрилкы вугласти, гвиздкы, кули, креминня, а иноди и гроши, Богъ зна колышни.

Дѣдъ Макаръ Евдокимовичъ Пазюкъ, 76 л., с. Бѣленькое, Екатеринославскаго уѣзда, 12 іюля 1887 года.

Пески, о которыхъ упоминаетъ разсказчикъ, дѣйствительно представляютъ интересную стоянку древняго человѣка. Мѣстность эта осмотрѣна нами нѣсколько разъ. *Печища,*—это слѣды костровъ; они возвышаются то тамъ, то здѣсь на большомъ песчаномъ пространствѣ. По изслѣдованіи открытыхъ песковъ отъ д. Разумовки до урочища Крутого Яра и раскопкамъ кострищъ, оказалось, что всѣ они состоятъ изъ кучи золы, перемѣшанной съ обугленными костями четвероногихъ и черепками. Тутъ же, вблизи кострищъ, и вездѣ на песку,— разбросаны черепки глиняной посуды. При раскопкѣ небольшого, усѣяннаго черепками бугра, нами найдена разбитая амфора тонкой работы, съ узкимъ горлышкомъ, двумя ручками, съ заканчивающимся остріемъ донышкомъ.

Кромѣ того, при осмотрѣ мѣстности 2 Мая 1887 и 26, 27 Марта 1888 года, около урочищъ Бѣляя, Канивского

и Крутого Яра, нами найдено болѣе 10 наконечниковъ бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько кремневыхъ стрѣлъ и такихъ же ножей, 2 свинцовыя пули грубой отдѣлки, несомнѣнно запорожскихъ, нѣсколько ружейныхъ кремней. На пескахъ попадаются также мѣдный шлакъ, бусы зеленаго и синяго стекла, кусочки мѣдной проволоки, кусочки закругленнаго, на подобіе проволоки, зеленаго и синяго стекла въ родѣ изломанныхъ браслетъ, грузила красной глины, раковины рѣчныхъ и озерныхъ молюсковъ (черепашки), наконецъ клыки дикаго кабана. Послѣдніе чаще попадаются вблизи кострищъ, между костями другихъ животныхъ. Тутъ же, изрѣдка, попадаются и человѣческія кости. Изъ монетъ намъ не пришлось найти ни одной, а найденныя ранѣе пастухами, по разсказамъ разумовскаго старика Кирилла Коваля, сбыты въ свое время мѣстнымъ евреямъ-кабатчикамъ.

Повторяемъ,—пески праваго берега Днѣпра, ниже острова *Хортицы*, представляютъ обильную почву для научныхъ изысканій.

Я. Н.

1 мая 1888 г

---

6) Лысая гора, Крутой яръ и Канивське. [1])

Кренница Андрея Первозваннаго.—Клады.

Лысу гору далеко выдно изъ степу и зъ плавень. Веселе мисто! Глянешъ видтиль,—якъ на долони все—и Дніпро, и плавни и слободы! На цій гори скризь писчани кучугуры, та ямы, мовъ крипость яка! Въ однимъ мисти есть крыныця,—то, кажуть стари люды, выкопавъ якыйсь пустельныкъ Андрей Первозванный. Въ стари годы тутъ булы пущи велыки и винъ соби молывся. Потимъ на Лысій гори жылы запорожци, жывъ тамъ и мій батько, а потимъ почувъ, шо степъ ставъ панськый,—винъ и перебрався хуторомъ въ *Велыкый Лугъ*.

[1]) Всѣ эти урочища находятся между с. Бѣленькимъ и колоніей меннонитовъ—*Нижней Хортицей*.

Колысь було люды находять въ писку багато кремнiня, стремень, куль (пуль), стрилокъ и всяке зализо. Це жъ все козацьке добро! А то разъ въ *Лысогорскiй забори* рыбалка найшовъ кусокъ маслака, выдно зъ ногы, такый, шо въ тры пуда не вберешъ! [1]) Богъ его зна колышне воно и шо воно въ свити за людына або звирюка була!..

Жылы ще запорожци и въ *Крутому Яру,* шо биля *Лысои горы,* и въ урочыщи *Канивському.* Въ Крутому Яру—лисъ, кручи и таке мисто затышне, шо Богъ его зна де вже такого и найты! Въ Яру и побиля Яру запорожци, кажуть, всю зиму паслы табуны коней и скотъ. У ихъ тутъ булы и хаты, и землянкы, и садкы и пасикы. Уже слободы почалы селыться за Катерыны, уже видовсюды и козацство перебралось въ Чорноморiю, а въ Крутому Яру ще багато оставалось запорожцивъ. Такъ въ землянкахъ и скалаталы останнiй викъ. Багатый и хлибосольный бувъ народъ!.. Полягло все, тико памнять осталась, та ще, кажуть, допропасты въ земли лежыть нерушымихъ кладивъ. Гроши де-яки люды находылы и розжылыся, тико таяться... Давно колысь въ Крутому Яру шось тужыло,—сумно було, а теперъ сумуютъ, та тужять по козакахъ пугачи!...

Въ Канивському, шо одъ Яру, близьче до Хортицы,—и тамъ густый байракъ, и тамъ, росказують, есть клады. За Канивськимъ, близьче до Розумовкы [2]) на пискахъ, було богато печыщъ [3]), а биля ихъ находылы здоровенни, червони тыквы; ци тыквы не похожи на наши: воны вышынею зъ аршинъ або й бильше, зъ двома вушкамы, а дно гостре [4]). Богъ его зна, якъ его и ставлялы люды на землю...

Дѣдъ Василiй Ив. Джереливськiй, 84 лѣтъ, с. Подстепное (Царыцинъ Кутъ), Мелитоп. уѣз., Таврич. губ., 10 января 1885 г.

---

[1]) Кость эта (осколокъ бедра мамонта) доставлена намъ и передана въ Областной музей имени Поля въ Екатеринославѣ. *Я. Н.*

[2]) Дер. Разумовка, основанная послѣ 1778 г. Графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ *Разумовскимъ,* послѣднимъ Гетманомъ Малороссiи.

[3]) Слѣды кострищъ.

[4]) См. Урочище Бѣляй, ст. 5 (примѣч.)

7) Лысая гора и креница Андрея Первозваннаго.

Давно дило було,—ихавъ въ Кывъ Св. Андрей Первозванный Днипромъ. Ихавъ винъ одынъ, якъ палець, ихавъ тай приставъ каючкомъ до Лысои Горы. Зійшовъ на гору,—глянувъ,—колы кругомъ лисъ, степъ та могылы и ни едынои души... Гарно, каже, тутъ, та жалко, шо людей нема... И ставъ молыться... Захотилось ему пыть, а видъ Днипра одійшовъ далеченько. Спустывся съ кучугуръ въ лисъ, копнувъ пидъ деревомъ—и полылась вода... Обиклавъ винъ ту крыныцю каминцямы и сказавъ: „Буде, колысь, зъ неи пыть мыръ хрещеный“... Пишовъ тоди до каючка, сивъ и помахавъ весломъ на пороги.

Надъ цією крыныцею теперъ стоить зрубъ и святять воду що году на весняного Грыгорія [1]). Вода въ крыныци дуже цилюща и найбильше помага видъ очей [2]).

Дѣдъ Петръ Шевченко (Марченко), 65 лѣтъ,
д. Разумовка, Екатер. у., 18 мая 1902 г.

б) Лѣвый берегъ Днѣпра.

Урочище Сагайдачное при Днѣпрѣ.

Преданіе.

Названіе получило урочище, какъ полагаютъ старожилы, по имени запорожскаго ватажка *Сагайдака*. Интересный разсказъ о личности Сагайдака варьировалъ въ 1870-хъ годахъ въ с. Вознесенкѣ, ближайшемъ къ урочищу, при чемъ разсказъ основанъ на устномъ повѣствованіи глубокаго старца, лично знавшаго Сагайдака. Передадимъ съ малорусскаго варіантъ, записанный отъ вознесенскаго старика Романа *Булата*.

Лѣтъ двадцать тому назадъ [3]),—говоритъ Булатъ,—мы ѣздили въ Крымъ чумаковать. Возвращаясь домой, мы остановились пасть воловъ вблизи слободы Конской [4]). Развели

[1]) 23 апрѣля.
[2]) Отъ глазныхъ болѣзней.
[3]) Разсказъ записанъ въ маѣ 1875 г.
[4]) С. Григорьевка на рѣкѣ Конкѣ. Въ народѣ сохранилось старинное названіе села по рѣкѣ.

огонь и стали варить кулишъ. Какъ въ это время, едва передвигая ноги, приходитъ бѣлый, какъ мѣсяцъ, краснощекій старикъ.

— Здорово, чумаки!

— Здорово, диду!

— Откуда Богъ несетъ?

— Изъ Крыму.

— А живете гдѣ?

— Въ селѣ Вознесенкѣ.

— Знаю... Охота же вамъ чумаковать!.. Такимъ молодымъ да здоровымъ людямъ можно бы и безъ того богатѣть!..

— Какъ такъ?

— Да такъ... Вы, вѣдь, живете вблизи урочища *Сагайдачнаго*... Тамъ столько денегъ, что не только для васъ,—хватило бы на двѣ губерніи...

— Какія же это деньги?

— *Сагайдака*... Вы слышали объ немъ?

— Про Сагайдака много разсказываютъ, но о деньгахъ не знаемъ...

— Да, у васъ говорятъ, но никто такъ не знаетъ Сагайдака, какъ я; не одинъ годъ жилъ я съ нимъ въ томъ урочищѣ, которое по имени его названо *Сагайдачнымъ*. Вотъ сто двадцатый годъ наступаетъ,—вымерли всѣ сѣчевыки, да и мнѣ уже близокъ конецъ. Вы молоды, объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи ничего не знаете, а вѣдь это было на моихъ глазахъ... Отобрала отъ насъ Катерина землю, имущество, деньги, войсковые клейноды... Кое-что пришлось припрятать въ землю, да мало... Разбрелись казаки, кто куда попалъ... Но скучно: нигдѣ не было уже той воли; вотъ почему, бывало, не одинъ казакъ и даетъ тягу по прежнему въ Запорожьѣ. Такъ и мы съ Сагайдакомъ, оставивъ Сѣчь,—поселились на Украинѣ. Но не на долго. Разъ Сагайдакъ вспомнилъ былое и говоритъ мнѣ: „Не привычно казаку жить вмѣстѣ съ бабами: давай махнемъ къ Днѣпру.“ „Добре,—махнемъ,“—отвѣтилъ я. Сказали объ этомъ другимъ, а тѣмъ

и на руку ковинька... Собралось насъ душъ сорокъ, посѣдлали коней и подались степью. Хорошо было тогда: ѣдешь, ѣдешь и рѣдко наткнешься на какой поселокъ, а еще рѣже на слободу: одна степь и только степь, поросшая высокой травой... Пріѣхали къ Днѣпру, пустили лошадей вплавь и очутились въ лѣсу, противъ *Хортицы*. Наскоро построили землянки и стали жить... Жили что-то долгенько. Сагайдакъ былъ нашъ *ватаг*ъ, давалъ всему порядокъ, а мы ловили рыбу, пускались въ разъѣзды. Разъ направились мы въ Польшу. Только что минули Кіевскую губернію, какъ тутъ войско царицы и изловило насъ восемь человѣкъ. Изловили и заставляютъ присоединиться къ войску. Думали, думали, что дѣлать?.. Четыре заупрямилось, дошло дѣло до сабель, такъ ихъ взяли и повѣшали... Насъ же четырехъ „заплишили“ въ казаки. Такъ прошелъ годъ. Русское войско, въ числѣ 2000 человѣкъ, отправлялось въ Крымъ и насъ взяли для указанія пути. Подошли къ Днѣпру въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Кичкасскій перевозъ, и войско начало наводить понтонный мостъ. Жаль мнѣ стало Сагайдака: я зналъ, что его коша не минуть. Отъѣхалъ я нѣсколько въ сторону отъ войска и пустилъ коня черезъ Днѣпръ. Въ то время, когда былъ уже на серединѣ рѣки, казаки войска пустили по мнѣ нѣсколько выстрѣловъ... Далеко слишкомъ было, не попали... Переплывши рѣку, я выскочилъ на берегъ и поскакалъ чагарникомъ (кустарниками) къ землянкѣ Сагайдака. Подъѣзжаю, когда дѣдъ дома, а съ нимъ и запорожцевъ человѣкъ десять возятся кто около сѣтей, кто около ружей... Я имъ и говорю: „Эй, батьку, и вы хлопци, скорѣе уходите: на той сторонѣ москаль мосты наводитъ,—зайдетъ и къ вамъ“. Посхватывались всѣ съ мѣстъ, а Сагайдакъ и говоритъ: „Бѣгите, хлопцы, пригоните скорѣе дуба (лодку), а я тѣмъ временемъ управлюсь здѣсь“. Проворно скрылись казаки. Старый Сагайдакъ вскочилъ въ землянку, вынулъ изъ скрыни серебряные и золотые таляры, высыпалъ на двѣ кожи и понесъ на *Середнюю* скалу. Стряхнулъ кожи и пошли деньги между камнями... Онъ тогда вынесъ

еще боченокъ, да ведро съ деньгами и закопалъ вблизи скалы. Собрался дѣдъ уходить, бросился къ казакамъ, а тѣхъ уже и слѣдъ простылъ... Вскочилъ Сагайдакъ въ землянку и заперся.

Послѣ этого я сѣлъ на коня и поскакалъ до мѣста, гдѣ войско, переправившись, должно выйти на берегъ. Сѣлъ около креницы (ключъ), вмокаю сухари и ѣмъ. Стало войско выходить, а маіоръ какъ подбѣжитъ ко мнѣ, какъ крикнетъ: „Ахъ, ты сякой-такой измѣнникъ! ты уже отвѣдалъ и Сагайдака!..“ Да такъ шашку надъ головою и занесъ... Я оправдываюсь: „конемъ, говорю, пустился черезъ Днѣпръ по привычкѣ,—это мнѣ не въ первый разъ“... Тогда маіоръ скомандовалъ ѣхать конiевать Сагайдака... Пріѣхали. Москали обступили землянку Сагайдака... Бросились къ дверямъ—не отворяетъ; кричатъ, чтобы вышелъ,—не выходитъ... Стали брать силой, стали бить окна... Разсердился дѣдъ и началъ палить съ оконъ. Москали принесли соломы, напхали штыками въ окна и подожгли... Задушился Сагайдакъ отъ дыму, но къ москалямъ не вышелъ. Войско устроило здѣсь стоянку, вырубало часть лѣса, вырѣзало много скота и, забравъ лошадей и припасы, ушло въ Крымъ.

Долго я еще служилъ въ казакахъ, а потомъ подался въ заброды (на рыбные заводы къ морю). Много лѣтъ рыбальчилъ и тамъ. Пришла старость. Прослышалъ я, что въ Конской доживаютъ вѣку товарищи, да и себѣ махнулъ къ нимъ. Теперь изъ товарищей уже никого нѣтъ, да и я отживаю послѣдніе дни...

Стали отъѣзжать, а дѣдъ на прощанье и спрашиваетъ: „А шо, хлопци, після москаля вырисъ лисъ въ Сагайдачнимъ, чи ни!“ „Вырисъ,“ отвѣтили мы.—„Э, теперь уже, якъ порубаете,—не выросте николы.“ Поѣхали мы, а дѣдъ подыбалъ въ слободу, и больше мы его не видѣли.

На этомъ Булатъ и закончилъ интересный разсказъ о запорожскомъ ватажкѣ, давшемъ названіе урочищу.

С. Вознесенка, Александр. у., Екатерин. губ.,
9 мая 1875 года.

9) Рѣка Московка и урочища по ней.

(Свѣдѣнія о сооруженіи крѣпости и заселеніи с. Вознесенки).

И ця ричка глыбока и по цій було звира, птыци багато; жылы и тутъ запорожци. Московкою зветься Богъ его зна видъ чого. Попервàхъ и нашъ Олександривськъ звалы *Московкою,* та его и теперъ звуть такъ городовыкы (полтавцы). Тутъ, по балкахъ, шо повыходылы въ Московку, жылы хуторамы запорожци; по ихъ прозвищамъ балкы и теперъ звуться. Балка *Гасанова,*—тамъ жывъ *Гасанъ; Дитярева*—жывъ *Дитярь; Капустянка,* шо выйшла въ Суху Московку—жывъ *Капустянъ; Савосьчына и Таранова,* шо вийшлы въ Капустянку,—жылы *Савоська и Таранъ.* Жылы ще тутъ запорожци Летючый, Зинчакъ, Гайдукъ, Карбула, Галычый, Нескреба, Самсыка, Кенебасъ, та ще де-яки; воны въ городи и Покрову строилы [1]).

Якъ не було ще тутъ крипости, (до 1770 г.), то въ плавняхъ и скризь по надъ Московкою бувъ такый лисъ, лоза, та очеретъ, шо и звирь не пролизе, а якъ прыгналы сорокъ тысячъ лопатныкивъ копать валы (строить крѣпость),—воны его за одну зиму звелы. Тоди, кажуть, зима була дуже люта: съ пидъ снигу выдно було тико верхы дубивъ.

Вознесенка теперъ велыка слобода, а попервахъ тамъ було тико тры хаты запорожцивъ: *Нескребы, Гайдука, и Летючого* (Безроды). Якъ сталы зъ городивъ (заселенныхъ мѣстъ Полтавщины и другихъ малорос. губ.) прыходыть люды на заробиткы, то пичій послуже и йде до дому, а другый—облюбе мисто, зробе хату и останется тутъ викувать. Такъ и слобода населылась. Спрежду слобода звалась *Нескребивкою,* потимъ—Вознесенкою, а въ двадцять семому

[1]) Покровскій соборъ въ г. Александровскѣ впервые построенъ Инженерною командою въ 1773 г., т. е. черезъ три года послѣ основанія „военнаго фурштата"; въ 1788 г. „за ветхостію," онъ значительно былъ расширенъ и устроенъ вновь на средства „посадскихъ жителей и благотворителей" въ числѣ коихъ преобладали запорожскіе казаки; въ 1887 г. соборъ разобранъ по ветхости и на томъ самомъ мѣстѣ заложенъ и сооруженъ новый трехпрестольный. *Я. Н.*

годи, якъ поставылы церкву,—сталы ій батюшкы писать Вознесенкою, сталы такъ звать и люды, а Нескребивкы уже нихто и не згадае[1]).

Дѣдъ Василій Ив. Нагирній, 96 л., предмѣстье Александровска — Карантинка, 19 декабря 1884 г.

10) Рѣчка Кушугумъ.

(Александровскаго у., въ Великомъ Лугу).

Кушугумъ—ричка взялась зъ Московкы; вона узенька та глыбока була спрежду,—така вона и теперъ. Колысь по ній рисъ очеретъ, якъ лисъ, и водылысь бобры и видныхы (выдры). Биля Кушугума, надъ кручамы, де теперъ нимецькый Шенвизъ (колонія), жылы колысь туркы; жылы воны, кажуть, въ ямахъ, якъ собакы: накыда туды бурьяну, травы, лыстя тай зимуе. Це давно дiялось: якъ ще гряныця турецька була по Ориль—ричку. Тамъ, де теперъ огороды и хаты Шенвиза, надъ Кушугумомъ, було турецьке и кладовыще. Запорожци, якъ зигналы турка,—поселылысь скризь по плавняхъ, де высоки гряды. У ихъ була велыка сыла коней, скоту, а де-яки диды-сыдни дуже кохалысь въ бжолахъ. И козацьке кладовыще було, кажуть, въ кинци Шенвиза, по надъ Кушугумомъ, биля турецького[2]).

Дѣдъ Вас. Ив. Нагирній (Москаленко) 96 л., предмѣстье г. Александровска — Карантинка, 19 декабря 1884 г.

---

[1]) Изъ архивныхъ дѣлъ Покровскаго Собора, видимъ, что въ 1781 году „вновь заселяемая за рѣчкой Сухой Московкой, надъ Днѣпромъ", существовала „Слободка" подъ крайне неустойчивымъ названіемъ: въ однихъ бумагахъ и росписяхъ она именовалась „Подгородней слободкой", въ другихъ—„Слободкой Александровской". Наконецъ по ревизской сказкѣ 1795 года она уже официально названа *Вознесенкой*. Деревянная церковь, во именованіе Вознесенія Господня, заложена 30 Іюня 1823 г., а освящена 20 ноября 1827 г.

Я. Н.

[2]) Слѣды кладбища и теперь замѣтны за меннонитской колоніей Шенвизе, надъ крутизной р. Кушугума. Въ подтвержденіе разсказовъ дѣда, меннониты, въ своихъ дворахъ, нерѣдко находили на глубинѣ 2—3 аршинъ ту-

II) Рѣки—Волчья и Конка [1]).

Ци ричкы булы колысь глыбоки и рыбни, не таки, якъ теперъ. По Вовчій, кажуть, въ стари годы, булы и байраки [2]) и очерета, а по Кинци,—самый чагарь [3]), та очеретъ. Звиру, птыци по цихъ ричкахъ, було выдымо не выдымо; було до пропасты и дыкихъ кабанивъ и козъ. Ричка Вовча прозвана видъ того, шо колысь, биля неи, въ тернахъ и въ степахъ плодылась сыла вовкивъ, а Конка,—тутъ ходылы табунамы дыки кони. Хочь я и старый чоловикъ, а на своему вику не бачывъ дыкихъ коней,—звалувалы [4]), а моему батькови и дидови запорожцеви, такъ тимъ вдоволь случалось и ловыть ихъ! Воны, кажуть невелычки, мышастои масти, за те швыдки, та дыки. Було верстовъ за десять замитять чоловика, тай навтикы; а якъ ніймають, було, запорожци,—дають сина, яке лучше, вивса,—не идять; тры дни тоби не истеме, здохне, а до рукъ не прелучешъ [5]). Розсказуе, було, покойный дидъ,—якъ понаходятъ зъ степивъ вовкы, то дыки кони и позбигаються въ табунъ. Якъ тико почнуть вовкы пидходыть,—кони позганяють лошатъ въ середыну, постають головамы до купы, ногамы до вовкивъ и одбываються задомъ; а якъ

---

[1]) Первая въ Александровскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ, вторая, имѣя истокъ въ Александровскомъ уѣздѣ, служитъ границею губерній Екатеринославскаго и Таврической.

[2]) Лѣса.

[3]) Кустарники, мелкій лѣсъ.

[4]) Ушли, переселились въ другое мѣсто.

[5]) Не приручешъ.

рецкія и русскія монеты временъ Анны Іоанновны, Елисаветы и Екатерины II, а также мѣдные котлы, глиняные боклаги и др. вещи. Въ концѣ 80-хъ годовъ, когда потребовались тысячи возовъ земли при постройкѣ „Механическаго и чугунно-литейнаго завода“ Т-ва „Лешъ и Вальманъ“, значительная часть крутизны обвалена вмѣстѣ съ истлѣвшими гробами покойниковъ и масса череповъ, несомнѣнно казацкихъ, пошла на уравненіе площади, занятой этимъ грандіознымъ промышленнымъ зданіемъ. Тутъ же, въ одной изъ погребальныхъ ямъ, найденъ серебряный рубль 1762 года (Екатерины II) и, по счастливой случайности, попалъ въ руки И. Г. Лешъ. Монета эта, какъ даръ *г. Леша*, передана нами въ Областной Музей Поля.

Я. Н.

ичный, голодный, напусте смилость пидскочыть,—заразъ ему и пощитають зубы... Вопо и наши кони такъ отбрыкуються одъ вовкивъ: чорта зъ два вытягнуть якого съ табуна!

По цимъ ричкамъ, ще за Катерыны, булы вольни степы и жыло запорозьке козацство, а якъ зійшлы видсиль,—звалувавъ и звиръ всякый, и птыця, и рыба перевелась... Ще на моему вику, зазнаю, багато разъ приходылось бачыть бобривъ въ плавняхъ, лебедивъ, огаривъ, а по степахъ бабакивъ; теперъ нема цего и помыну,—зосталысь тико аврахы. Аврахивъ скоро не зведешъ,—плодючый, лыхый звиръ; вынъ водыться такъ:—стико въ году недиль мисяцъ, стико кажна пара выведе и дитей. Бабакы бильши аврахивъ и жылы на цилыныхъ степахъ; писля ихъ йдоси зосталысь маленьки могылкы, мовъ гробкы; пидъ нымы булы колысь глыбоки норы бабакивъ. Колысь, було, прымичаемо: якъ на Явдокія (1 Марта) свысне бабакъ, то буде рання весна.

Дѣдъ Василій Ивановичъ Нагирній, 96 л., предмѣстье г. Александровска — Карантинка, 19 декабря 1884 г.

---

12) Шпыль-гора надъ Великимъ Лугомъ.

Потемкинъ объявляетъ запорожцамъ чрезъ уполномоченнаго генерала о выселеніи на Днѣстръ.

(Преданіе).

Отъ слободы Кушугумивкы ажъ до *Сухои* балкы потяглась *Шпыль-гора*. Розсказувалы стари люды, шо якъ задумавъ Потемка зигнать запорожцивъ, выславъ генерала зъ військомъ на Шпыль-гору и давай подыхать съ холостихъ пушокъ въ *Кучугуры* [1]). Тамъ, кажуть, ихъ бувъ станъ. Запорожци посидлалы коней и вси сорокъ тысячъ выскочылы зъ *Великого Лугу*. Кажда тысяча стала особо, а попереду ватагы такъ и загралы киньмы. Генералъ обвивъ військо

[1]) Песчаные бугры въ Великомъ Лугу, верстахъ въ 20-ти отъ Шпыль-горы.

очыма и каже: „Ну, братци, збирайте свое добро та выходьте на Днистрови лыманы, бо тутъ будуть селыться слободы“. Повисылы запорожци головы тай подалыся до куренивъ... „Бодай, кажуть. Потемко, твои диты стико заслужылы, якъ мы у тебе!“

Запорожци, кажуть, якъ выходылы зъ Велыкого Лугу, то прощалысь: „Прощай, батьку, Велыкый Луже! Не звелы мы тебе,—не зведе нихто, покы свитъ сонця!“

Такъ думалы запорожци, та не по ихнему выйшло: земля пишла въ подилъ и за старихъ панивъ лисъ держався, а якъ пасталы молоди—все вырубалы, все пишло дымомъ. У инчихъ панськихъ плавняхъ по десять годъ и бильше рындувалы лисъ явреи и палылы на вугалля, а теперъ отъ того лису и слиду не осталось: все попсовано, та сплюндровано [1]).

Дѣдъ Авксентій Ѳедор. Орелъ, Кушугумовка, Алекс. у., 28 декабря 1885 г.

---

13) Бытый запорожскій шляхъ и Баштовые дубы въ Великомъ Лугу.

А.

Въ нашихъ плавняхъ есть два озера—Лебедеве и Балабанове [2]), а промижъ нымы колысь лежавъ *Бытый шляхъ* черезъ Велыкый Лугъ; надъ шляхомъ, по праву и по ливу руку стоялы два *Баштовихъ дуба*. Якъ зруйновалы Запорожжя, дубы ще довго стоялы, а шляхъ зарисъ травою и лисомъ. Товсти булы дубы! Покойный дидъ було розсказуе, шо якъ не чотыри чоловика, то и не обхватять дуба. А гильчасти яки! Отъ дощу можно було сховать цилу чумацьку валку!.. Чого воны прозвани Баштовымы—Богъ его зна, а тико казавъ покойный дидъ, шо пидъ нымы, було, збираються запорожци

[1]) Вырублено, уничтожено.

[2]) Оба озера въ плавняхъ графа Канкрина.

на сходку зо всего Велыкого Лугу. Отъ тихъ дубивъ шляхъ, кажуть, ишовъ плавнею скризь до Кучугуръ[1]) и дали, де тико жыло запорызьке вийсько, ажъ до Мыкытоского (Ныкопольского) перевозу.

Дѣдъ Петръ Стогній, 70 л., д. Краснокутовка, Александров. у., 17 января 1888 г.

„Баштови" дубы и могилы.

Б.

Баштови дубы булы биля озера Лебедевого, а потимъ дали верстовъ на шисть—на Велыкій гряди, шо видъ межи пана Попова, биля *Кучугуръ*. На цихъ дубахъ, кажуть, запорожци становылы якись высоки *башты*, а на ихъ выкыдалы огонь[2]), шобъ склыкать козакивъ ночнои добы. Биля дубивъ, кажуть, жыла цила бурса[3]) козакивъ. Оце якъ прыйде звистка яка видъ кошового, або повертаються козаки зъ розъизду, то и склыкають товарыство, шобъ розсказать, шо бачылы и чулы. Побиля дубивъ, кажуть, лежавъ бытый шляхъ черезъ увесь Велыкый Лугъ. Тамъ, де слобода Янчакракъ, черезъ Кинку, бувъ татарськый мистъ, одбытый козакамы.

Запорожци жылы и по степахъ. Оце якъ блысне огонь, въ Лузи на дубахъ,—то заразъ и свитять на могылахъ: *Безчастній*[4]), *Градысци*[5]), *Юркивській*[6]), *Караватчыній*[7]) и инчихъ,—бо и могылы булы *баштови*. Такъ, було, и залопотять запорожци киньмы туды, видкиль вперве заглядять огонь.

Дѣдъ Арсеній Черноволъ, 97 л., д. Кушугумовка, Александр. у., 5 сентября 1888 г.

---

[1]) Кучугурами разсказчикъ называетъ высокіе песчаные бугры, разбросанные на огромномъ протяженіи Великаго Луга, начиная съ плавень Попова.

[2]) Несомнѣнно, рѣчь идетъ о запорожскихъ *фигурахъ* служившихъ сигнальными знаками.

[3]) Ватага, отрядъ.

[4]) и [5])—Обѣ близъ м. Григорьевки на р. Конкѣ, съ правой стороны.

[6]) Съ лѣвой стороны р. Конки, въ Мелит. уѣз., Таврич. губ.

[7]) На степи Н. А. Капустина, Александр. у., верстахъ въ 30-ти отъ Великаго Луга.

14) Урочища въ Великомъ Лугу.

(Рѣки, озера, гряды).

Дача с. Петровскаго-Балабина, графини Ан. Дм. Строгановой.

I.

Балабынова яма (озеро),—тутъ Балабынъ (первый владѣлецъ) купався.

Закитне Мале и Закитне Велыке—це озера.

Орихове озеро—орихы ростуть въ води; воны угласти; исты можна и добри, тико треба варыть.

Перевалъ озеро—вода перевалюється зъ Днипра весною черезъ писчану гряду.

Лукноватe озеро—лукно, куширъ то-що (водоросли).

Цымбалеве озеро—жывъ запорожець Цымбалъ; тутъ его бувъ подилокъ (угодье, взятое у владѣльца въ продолжительное арендное пользованіе).

Шаварене озеро—подилокъ запорожця Шавары.

Трыгубивське озеро—запорожця Трегуба.

Сухынын озеро—тамъ жывъ Сухына запорожець.

Перелетне озеро—запорожця Перелета.

Колядчене озеро—Колядкы запорожця.

Тарасивське озеро—Тарасыка запорожця.

Бережнивське озеро—Бережного запорожця.

Шкварцивське озеро—Шкварця запорожця.

Конопове озеро—жывъ запорожець Конопъ.

Домаха озеро—не докажу видъ чого прозвано. Тутъ жывъ запорожець Ткачъ.

Брылыкъ озеро—по запорожцю Брылю.

Бандурын урочыще—жывъ запорожець Бандура. Було велыке озеро, а теперъ пискомъ засыпано, осталось плесо.

Самсычене озеро—жывъ запорожець Самсыка.

Левкове озеро—жывъ запорожець Левко.

Ричыще,—вода заходе зъ Днипра.

Воронцивъ кутокъ — урочище, де жывъ запорожець Воронець.

Петляне озеро—жывъ Петляный козакъ. Литъ 50 це озеро засупулось пискомъ, а було глыбоке и рыбне.

Виноградна балка—вытяглась зъ степу въ плавни; тутъ рисъ дыкый виноградъ, а запорожци сыдилы хуторами и розводылы садкы. Тутъ булы и терны густи, де стоялы козацьки пасикы. Въ тимъ годи, якъ межувалы землю панамъ, въ Круглыку (лѣсъ при устьѣ балки Виноградной) жывъ запорожець. Якъ почувъ винъ, шо земля панська,— оставывъ свою хату, пасику и подався за Дунай пидъ турка.

Дѣды: Иванъ и Онысько Петренки, Степанъ Крохмаль и Иванъ Пелехъ, С. Петровское-Балабина, Александр, у., 25 февраля 1885 г.

II.

(Продолженіе),

Дачи дер. Кушугумовки, Краснокутовки и с. Царыцина-Кута графа Канкрина.

Мырошныкъ ричка, верстовъ на дви нызче (по теченію Днѣпра) Бандурыного; вона выходе зъ Днипра и впада въ ричку Кушугумъ.—Жывъ козакъ Мырошныкъ.

Быстрыкъ, а нызче *Жбурыкъ* — рички; тутъ жывъ козакъ Жбура.

Крыве озеро, на пивверсты отъ Быстрыка; прозвано того такъ, шо покручене (извилистое).

Ковалеве або *Ковальске* урочыще,—тамъ жывъ запорожець Коваль. Було колысь озеро та высохло.

Лебедеви озера—ихъ трое: двое круглихъ, а одно довге. Биля ихъ жывъ и рыбальчывъ козакъ Лебедь.

Шыйчене озеро—жывъ козакъ Шыйка.

Печыще—урочище, або кышло, де жыло багато запорожцивъ. Ямы, де булы хаты, идоси осталысь.

Дзензешене озеро,—биля его жывъ запорожець Дзензеха.

Мусієво озере,—жывъ козакъ Мусій. Воно биля Днипра, супротивъ острывка. Биля цего озера бувъ шынокъ запорозькый. Якъ выйшлы запорожци видсиль въ Чорноморію, хаты довго оставалысь и тамъ кошыкувала (имѣла привалъ) прохожа бурлашня, та сиромашня (голь). Сиромы найбильше йшлы Велыкымъ Лугомъ: тамъ легше було прохарчыться и нихто не пытавъ видкиля и хто. Пашпортивъ у ихъ чортмало... Де булы запорозьки хаты,—печыща (пепелища) и теперь знать.

Джереливське урочыще—жывъ хуторомъ козакъ Джереливськый. Бувъ первый стрилець и заговарювавъ ружжя; знавъ слидъ всякого звиря и не дававъ спуску вовкамъ; ловывъ винъ ихъ и капканамы.

Чорна яма, або *Черне* озеро—биля его жывъ козакъ Черный.

Харькове озеро и *Харькове* урочыще—жывъ Харько козакъ.

Канцыберивське озеро и урочыще *Канцыберивщына* (гряда)—жывъ характернык Канцибера. Тамъ теперъ людей лякають чорты... Колысь тамъ така пуща була (пустыня), така росла полома (трава), шо и не просунешся. Тамъ, кажуть, колысь крычало, реготало (хохотало) и выло на всю плавню...

Феськова яма—кругле, глыбоке озеро. Тутъ жывъ запорожець Феськo; его ще звалы Швець.

Полового гряда, вона нызче Канцыберивщены,—жывъ козакъ Половый.

Крула гряда и *Крулe* озеро,—того, шо кругли (по формѣ).

Верещакова гряда,—жывъ запорожець Верещакъ; его потомство и теперъ есть въ слободи Пидстепній (Царицынъ-Кутъ).

Бабене озеро,—багато туда злиталось колысь довгоногои птыци, шо звемо *Бабамы*. Ця птыця зъ довгымъ носомъ, въ води стоить, мовъ вкопана (неподвижно), и хвата мулявку (мелкую рыбу).

Савене озеро—въ Матлашевскій плавни (помѣщ. Миклашевскаго). Туть, кажуть, жывъ той Сава, шо про его писня есть:

„Ой бувъ въ Сичи старый, сидый на прозвище Чалый,
Выгодувавъ сына Саву ляшенькамъ на славу“.

Багато озеръ и урочыщъ есть по плавняхъ Попова, Матлашевського, Стрюкова и инчихъ, де жылы запорожци, та про те вже не докажу вамъ: ихъ знають стари рыбалкы въ Скелькахъ, Васылевци (сс. Попова, Мелитоп. уѣзда), Биленькій (с. Бѣленькое, Миклашевскаго, Екатериносл. у.) и Тарасивци (Струкова—тамъ же).

Рыбакъ Авксентій Федоровичъ Орелъ, 60 л.,
д. Кушугумовка, Алекс. у., 6 ноября 1885 г.

---

15) Кучугуры.

(Песчаные холмы, бугры въ Великомъ Лугу).

Слѣды древняго поселенія.—Паходки.

Въ Велыкому Лузи, насупротивъ слободы Васылевкы, есть *кучугуры,* а про межъ нымы—глыбоки ямы. Ци кучугуры таки высоки та крути, шо не всякый на ихъ и зійде; а ямы глыбоки, заросльі березою, кущамы та хмелемъ, шо не выдно и дна. Страшно тамъ: звиръ жыве всякый и выховуються злодіи та душогубы. Якъ жылы запорожци въ Велыкому Лузи, то тутъ було ихъ и кышло. Въ цему мисти ни яка-бъ сыла не звоювала війська! Кучугуры есть и блызьче,—биля слободы Пидстепнеи, де кинчаються плавни пана Попова и почынаються Канкрынськи [1]). И тутъ невылазни урочыща, и тутъ жылы запорожци. Биля цихъ кучугуръ, на Канкрынській земли, бувъ якыйсь турецькый

[1]) Дача графа И. В. Канкрина.

городъ, бо багато найдено цеглы (жженный кирпичъ) и каменя съ хундамента. Цегла мисна, якъ камень. Шобъ не затопляла весняна вода, туркы насыпалы высоки могылы по плавняхъ и ставыли на ихъ цеглови дворци. Срибни гроши, мовъ рыбьяча луска (чешуя) и невелычки мидни, люды находять и теперъ. Ще недавно въ цихъ могылахъ люды выкопувалы чавунни турецьки казаны и якысь мидни трубы [1]). Казаны и теперъ есть у пидстепьяньскихъ людей:—воны шыроки и милки, такъ шо съ кажного можно нагодувать чоловика десять-пьятнадцять.

Дѣдъ Василій Ивановичъ Джереливскій, 84 л.,
с. Подстепное (Царицынъ-Кутъ), Мелитоп. уѣз.,
Таврич. губ, 10 января 1885 г.

---

16) Кобыльная балка и Кобыльная рѣчка.

По цій бальци тече ричка и зветься, такъ якъ и балка,—*Кобыльною* [2]). Въ старыну, якъ ще степъ бувъ запорозькый, по бальци водылось багато дыкихъ коней: такъ табунамы и паслысь. Литъ 80 або 90 греки часто ловылы ихъ арканамы. Разъ грекъ піймавъ дыкого жеребця и повивъ его въ Катеринославъ до архырея. „На тоби, каже, цего жеребця, та зробы мого сына попомъ: винъ грамотный!" Архырей жеребця взявъ, а сына пострыгъ въ попы. Тому архырею було поведуть грекы дыку козу, то винъ дякуе та плате гроши... Пижыбогу правда!... Забувъ тико, якъ звалы того архырея:—пытайте старихъ грецькихъ попивъ... Дыки кони

[1]) Обрѣзокъ мѣдной трубы, длиною 14 сантим. и въ діаметрѣ 10 сантим, переданъ намъ графомъ Пв. Виктор. Канкринымъ и поступилъ въ Областной Музей имени Поля въ Екатеринославѣ,

Я. Н.

[2]) Р. Кобыльная—притокъ Мокрыхъ Яловъ слѣва; она разграничиваетъ уѣзды Александровскій и Маріупольскій съ восточн. стороны.

було часто выбигають на Туркову могылу [1]), а потимъ и подадуться або на Гайчуръ [2]), або на Янчуръ [3]) настысь.

Дѣдъ Иванъ Григорьевичъ Гречишенко, (Даниленко), 98 л, с, Цареконстантиновка, Алекс, у, 22 января 1879 г,

Примѣчаніе. По свидѣтельству одного старѣйшаго греческаго священника, Преосвященный Іовъ Потемкинъ (родствен. Свѣтл. кн. Таврич.) особенно интересовался животными, представлявшими въ то время зоологич. рѣдкость. Іовъ управлялъ епархіею Екатеринославскою, Херсонскою и Таврическою съ 1812 по 1823 годъ и оставилъ по себѣ добрую память—гуманнѣйшаго Архипастыря.

Я. Н.

---

17) Могилы: Бѣльмакъ, Токмакъ и Каменныя [4]).

Слѣды *Муравскаго* шляха.—Рѣки: Бѣльманка, Бѣльмакъ, Берды, Конка, Торецъ, Осыкова, Ялы.—Гостепріимство калмыковъ и нагайцевъ въ старину.—О каменныхъ бабахъ.

Могыла *Бильмакъ*—недалеко отъ слободы Бильманкы [5]). на казенному участку. По могыли прозвана слобода и ричкы—*Бильманка и Бильмакъ*, бо воны взялыся на кряжи съ пидъ могылы. Бильманка тече зъ запада, а Бильмакъ съ пивночы. Бильманка тече верстовъ 10, Бильмакъ—верстовъ 7; обыдви зійшлыся въ слободи Бильманци и впалы въ ричку *Берды* [6]). Берда выйшла съ кряжа биля *Токмакъ* могылы; тече перше, на схидъ сонця. потимъ на полудень и впада въ Азовське море нызче Бердянкы (г. Бердянскъ).

---

[1]) На стени с. Туркеновки, Александр, у., основанномъ первымъ поселенцомъ *Турком*ъ въ 1800 г,

[2]) и [3]) Гайчулъ и Янчулъ—рѣки Александров. у., обѣ соединившись у дер. Даниловки (Гнидина), вливаются въ р. Волчью.

[4]) Первая въ Александровскомъ, вторая въ Бердянскомъ и послѣдняя въ Маріупольскомъ уѣздахъ.

[5]) Село Александровскаго уѣзда.

[6]) Берды р. составл. границу между Александровск. и Бердянск. уѣзд.

Недалеко видъ Токмакъ могылы—ричка *Конка* [1]); вона пишла степомъ до Днипра. По ливу руку Бильмакъ могылы лежавъ колысь старый *Крымськый* шляхъ; видсиль винъ повернувъ на Токмакъ могылу, пройшовъ по зъ неи ступнивъ на 100 по праву руку и дали потягся на *Перекипъ* [2]) ажъ у Крымъ. Взявся винъ десь изъ за *Озюма* [3]), та зъ за *Сумивъ*, потимъ повернувъ на ричкы *Торець* [4]) и Осыкову [5]), на слободу Марьевку [6]), на ричкы Сухи и Мокри Ялы [7]), на Богоявленськи могылы [8]); дали степомъ по мижъ Павливкою и Прычистивкою на Кременчукъ [9]), на Апухтину [10]) и сюда, якъ я сказавъ, на Бильмакъ могилу, на Токмакъ и дали.

Бильмакъ и Токмакъ—це высоки могылы, далеко зъ ихъ выдно вси округы [11]). Передъ заходомъ сонця, якъ выйдешъ на Бильмакъ могылу, то выдно г. Ориховъ, с. Жеребецъ, с. Токмакъ, Каменни могылы пидъ Темрюкомъ [12]) и багато инчихъ могылъ и слобидъ.

Писля запорожцивъ, биля Бильмакъ могылы стоялы ордою кимлыкы (калмыки) и нагайци. Тутъ воны паслы овецъ, скотъ. Було произдомъ чумакы якъ пидвернуть до ихнего коша ночувать, то воны ихъ прыймають за гостей, годують, а якъ мынуть и стануть въ степу, то ихъ посчытають за непрыятеливъ и грабують [13]).

Колысь на велыкихъ могылахъ стоялы *маман* (бабы), лыцемъ на востокъ. Ихъ, кажуть, ставлялы татары, бо воны и облыччямъ похожи на ихъ и шапкы таки.

[1]) Р. Конка служитъ продолженіемъ границы Александ. и Мелит. уѣз.
[2]) Перекопь,—Таврич. губ.
[3]) Изюмъ, Харьков. губ.
[4]) Бахмутскаго уѣз.
[5]), [6]), [7]) и [8])—Маріуп. уѣз.
[9]) Всѣ три села Маріуп. у., при чемъ послѣднее греч.—Керменчикъ.
[10]) Дер. Александр. уѣз.
[11]) Окрестности.
[12]) С. Маріупольск. уѣз.
[13]) Судя по архивн. даннымъ, еще въ началѣ 1800 годовъ въ обширныхъ, малонаселенныхъ степяхъ Александровскаго уѣзда кочевало много нагайскихъ и калмыцкихъ ордъ, принявшихъ подданство Россіи.

Высоки могылы *Каменни* пидъ Темрюкомъ! До цихъ могылъ, було часто пидверта архырей *Гавріилъ*) въ трыдцятыхъ годахъ. Биля могылъ, кажуть, бувъ колысь татарскый городъ, та запорожци зруйновалы. Ямы та бугры, де булы татарски мечети, и теперъ знать.

Дѣдъ Иванъ Григорьев. Гречешенко, 98 л., с. Цареконстантиновка, Алекс. у., 22 января 1879 года.

Отдѣлъ II.

Историческія лица.

18) Кошевой Сирко.

(Преданіе).

А.

Якъ померавъ кошовый Сирко, то казавъ запорожцямъ: „Хто зъ васъ, хлопци, мою могылу полыватыме водою до схидъ сонця, той буде знать стилько, якъ и я... А якъ буде велыка потуга на билого Царя, то нехай хоть руку мою откопають та понесуть впередъ вийська: непрыятель самъ себе поруба“.

У дванадцятому году (1812) хранцузъ завоювавъ Москву. Стилько наше вийсько не палыло зъ пушокъ,—ничого не помогло. Тоди одынъ Чорноморець и каже: „Стойте, братци: не буде дила, покы не достанемо рукы Сирка!“... Поихалы въ Капуливку,[1]) откопалы руку и гайда назадъ. Якъ оббиглы кругомъ Москвы съ тіею рукою,—такъ хранцузьке вийсько и сунуло видтиль. Тоди хранцузы такъ скоро тикалы, шо й черевыкы погубылы...

Туркы и ляхы дуже боялысь Сирка и звалы его *шайтаномъ* (чортомъ).

Кажуть, багато було охотныкивъ полывать могылу Сирка, шобъ знать стилько, скилько знавъ винъ, та ничого не помогло: треба було воду носыть ротомъ зъ ричкы, а ричка не такъ блызько, шобъ до третихъ пивнивъ полыть таку могылу, якъ у его.

М. Никополь, Екатеринослав. уѣз., 11 іюня 1894 г., запис. отъ 78-ми лѣтняго дѣда Дмитра Степанов. *Быковскаго*.

---

[1]) С. Екатериносл. у., на мѣстѣ Чертомлыцкой Сѣчи. Здѣсь же и могила Сирка.

Б.

Кошовый Сирко бувъ прывелыкый характерныкъ! Було хто-бъ не задумавъ воювать зъ нымъ,—винъ уже й зна: зразъ и військо збира, и спысы точе и ратыща готове. Не даромъ его туркы прозвалы *шайтаномъ*...

Запорожци, покы орудовавъ нымы Сирко, никого не боялысь, бо его ніяка сыла не могла побидыть.

До Сирка, кажуть, наши люды платылы ляхамъ подать:—третя гуска, третій вилъ, третій кинь, хлибъ,—всего третя частына. Якъ ставъ Сирко кошовымъ,—зразъ же и зладнався съ королемъ польскимъ. „Ну, каже, ваше велычество: хочъ быться, хочь мырыться, а третеи частыны панамъ давать не будемо!“—„Якъ знаешъ,—каже король:—то дiется не по моему прыказу“...

Зибравъ Сирко запорожцивъ, зибравъ пьятнадцять тысячъ и турокъ и погнавъ ляхивъ зъ Украины. Догнавъ до Случи и каже: „Отсе, ляше, по Случь твое, а це наше“... Ти ляхы пиймалы свого короля и заслалы на морськый остривъ. „Отсе тоби, кажуть, за те, шобъ не якшався съ Сиркомъ“.

Лапинка. предмѣстье Никополя, Екатерин уѣз., 13 іюня 1994 г., записан. отъ 72-хъ лѣтн“ дѣда Федора Иван. Потурая.

В.

Якъ бувъ кошовымъ Сирко, то татарва жахалась его, якъ те гайвориння... Було тикають, кляти, и кони погублять... А запорожцямъ того и треба: займуть табунъ, тай гайда черезъ Днипро...

Писля смерты Сирка, запорожцивъ, кажуть, довго боялысь ляхы и бусурмены. Бьються, було, козакы й праву руку его попередъ війська везуть: де рука,—тамъ и удача.

Кажуть у Сирка на хрести бувъ пидпысъ: „Хто буде симъ годъ, противъ Великодня, выносыть по тры заполы земли на мою могылу, той буде маты таку сылу, якъ я, и буде знаты стико, якъ и я“.

Покійный дидъ Мыхайло Нелипа розсказувавъ, шо якъ носывъ землю противъ Велыкодня, то ему вперве показалось—мовъ шось гуде; вдруге—зибралось стилько війська запорозького, шо ажъ земля стогне; втрете—барабаны бьють, зъ гарматъ палять, козацьки шапкы червоніють, якъ макъ... Винъ злякався,—кынувъ носыть землю и подався въ хату.

Носывъ землю противъ Велыкодня и старый капуливськый дидъ Матрапасъ (Дымниченко), такъ и той казавъ, шо страшно: „Шо стану, каже, пьястысь на могылу, то воне тебе такъ и штовхае назадъ... Разъ, каже, упавъ навзничъ, тай языка прыкусывъ... Съ того часу и зарикся ходыть на могылу“.

С. Покровское, на р. Пидпильной, Екатерин. уѣз., (Мѣсто послѣдней Сѣчи), 10 сентября 1896 г., записан. отъ 76-ти лѣтняго дѣда Назара Федоров. Бутузя.

---

19) Кн. Долгорукій и Сирко.

Якъ бувъ Перекопъ турецькымъ городомъ, то наши чумакы ходылы туда по силь. У турка скризь стоялы гардоны, пропускъ бувъ тисный, а здырство було велыке... Тоди, кажуть, въ недилю разъ тилько солылы борщъ.

Прочувъ це Довгорукъ, звеливъ Сиркови зибрать запорожцивъ и сунувся на турка... Багато, кажуть, его полягло, покы пробылы дорогу до Перекопа, багато забрато и въ полонъ. Тоди, кажуть, запорожци отбылы у турка казну, вси заряды и несчыслымо стико скоту и коней. Ти туркы, шо въ полонъ забрати,—ти-жъ и скотъ прыгналы въ Сичь. Стало легче чумакамъ, та не на довго: якъ вернулысь запорожци до дому,—турокъ застукавъ чумакивъ въ Перекопи и тысячи выризавъ до едынои головы. Чумацьки волы, возы, гроши и все добро досталось басурменамъ...

Про це есть и писня:

Казавъ, казавъ Довгорукъ,
Шо не здійме Орда рукъ...
Орда рукы изняла,
Всихъ чумакивъ забрала...

Сирко и Довгорукъ—це давни люды! Це ще було тоди, якъ гряныця турецька була по Кинку, шо выйшла зъ степу въ Велыкый Лугъ.

Никополь, Екатерин. уѣз., 12 ноября 1895 г.,
запис. отъ 79-ти лѣтн. дѣда Дмитра Быковскаго.

---

20) Хмельницкій и его плавня.—Долгорукій и Сирко.—Чалый.

(Преданіе).

Якъ гетманувавъ надъ козакамы Хмельныцькый, то выще урочища *Карай-Дубыны,* съ цего (правого) боку, була и его плавня. Ця плавня, противъ Капуливкы, йдоси зветься *Хмельныцькою.* Биля Карай-Дубыны бувъ перевозъ, булы и броды козацьки, де, съ турецького берега, переганялы коней цилымы табунамы. Въ Хмельныцькій плавни, кажуть, паслась така сыла коней, шо нихто имъ и щоту не знавъ. Сюды ихъ гналы пасты съ Турещыны, съ Полыни и зо всего Запорожжя. Якъ пидъ добру ласку, то козакы не бралы за це грошей съ татаръ и нагайцивъ, бо и самы паслы коней на ихъ сумижній земли.

Въ Тавріи, биля урочыща *Мамай-Суркы*, жывъ турецькый ханъ *Мамай*. Дуже лютый бувъ собака, и таке, кляте, було и его військо. Було спуску не дае ни запорожцямъ, ни чумакамъ: де пійма,—тамъ имъ и аминь...

Писля Хмельныцького, на Украини правывъ Довгорукъ, а въ Сичи кошовымъ бувъ Сирко. Давай той Мамай загравать съ Сиркомъ... Разъ піймавъ запорожця, знявъ зъ головы волосся съ шкурою и пустывъ. „Иды, каже, до свого Сирка, та скажы, шо я ему хвоста увирву“... Кошовый Сирко якъ узнавъ це, такъ и вскыпивъ... Сивъ на коня, та якъ свысонувъ,

якъ свысонувъ!.. Збиглысь запорожци. „А нуте, каже, хлопци, сидлайте коней, та махнемъ до Мамая въ гости“... Посидалы козакы на коней и подалысь... Мамай зибравъ вийсько и выскочывъ на зустричъ. Сирко до его: „Ну, каже,—попробуемъ, хто кому хвоста увирве“—и давай колошматыть... Побылы Мамая, побылы его вийсько, забралы добро и булы таки...

Биля Карай-Дубыны, часто паслысь татарськы табуны, и якъ тико, було, козацькый кинь переплеве туды, то уже назадъ не вернеться... То отсе, було, Сирко поиде съ козакамы, наведе сонъ на табунщыкивъ, а коней займе и гайда черезъ Днипро въ Хмельныцьку плавню. „Отсе имъ, каже, скурвимъ сынамъ, за те, шобъ не робылы запорожцямъ шкоды“.

Сирко якъ умеравъ, то казавъ: „Якъ откопаете мою руку, то будете симъ годъ воювать такъ, якъ и зо мною“. Такъ воно и случылось: якъ прыйшлось козакамъ до крута,—откопалы воны ту руку и цилихъ симъ годъ нихто ихъ не змигъ подужать.

Якъ ховалы Сирка, то пидъ головы положылы и его гроши, а тощакову срибну чарку отдалы въ церкву. Та чарка, кажуть, и теперь есть въ Никыпольскій Покрови (Соборъ). Гроши, кажуть, пробувалы взять капуливци, та не далысь...

У Сирка жывъ молодый козакъ, Чалый; винъ правывъ у его за джуру. Писля Сирка выбралы Чалого кошовымъ, а у его бувъ годованыкъ Савка. Про цого Саву есть и писня, шо винъ продався ляхамъ, грабувавъ церквы и за те запорожци его згубылы.

С. Покровское, на р. Пидпильной, Екатерин. уѣз., 17 августа 1901 г. запис. отъ дѣда Федора Елисеева Жмудя, 93-хъ лѣтъ.

Историч. литература о Сиркѣ: *Эварницкій* Ив. Дм.—Сирко Спб. 1894 г.; *Костомаровъ*—Руина; *Ригельманъ*—Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, 1847 г., II. и много др. источниковъ.

21) Семенъ Палій.

(Преданіе).

Семенъ Палій бувъ лыцарь велыкый. Про его, було, багато де чого розсказують запорожци нашимъ дидамъ и батькамъ.

Десь то, кажуть, жылы козакы, а мижъ нымы бувъ молодый козакъ Семенъ. Разъ кошовый зибравъ військо и махнувъ воювать Орду, а Семенъ зостався глядить добра. Тоди ще хатъ було не дуже товсто, бильшъ жылы куренямы. Отъ дохазяинувався той Семенъ, покы спалывъ курынь кошового. „Шо его робыть?“ дума винъ: „Прыидуть,—достанеться мени!“ Взявъ рушныцю и подався. Довго ишовъ винъ байракамы и зайшовъ въ таки пущи, въ таки пущи, шо тико небо и выдно. Сивъ винъ спочыть. Ось насунула хмара, ставъ крапать дощь, потимъ гримъ, блыскавка... Дывыться винъ на скелю,—колы выскакуе лукавый. Якъ загремыть гримъ,—винъ пидъ скелю, якъ затыхне,—винъ на скелю и....! и....! и....! и... гнивыть Господа! Семенъ и дума: „Шо робыть? або ему смерть, або мени“... Тико выскочивъ той на скелю,—Семенъ прыцилывся и убывъ. „Ой, быйще разъ! бый!“—просе лукавый. „Буде съ тебе и разу“... Винъ знавъ, шо якъ выпале вдруге,—нечыстый побижыть... Зарядывъ Семенъ рушныцю и посунувъ очеретамы въ пущу. Иде, винъ, тай иде, иде тай иде, а очеретъ густый, густый та высокый и свита не выдно. Чуе винъ,—трищыть очеретъ,—шось суне прямо до его. „Шо Богъ дасть,“ каже,—та туды!.. Колы ось показався сывый дидъ.

— Здоровъ сыну!

— Здоровъ диду.

— Куды Богъ несе?

— Доли шукаю: або звирюка зъисть, або дійду до Велыкого Лугу, въ Запорожжя...

И почавъ ему Семенъ розсказувать. Такъ и такъ,—каже,—спалывъ курынь и боюся гнива козацького: або кіямы забьють,

або на шыбыныцю... Дидъ и каже: „Теперъ за тобою погòня—сорокъ чоловикъ; тико ты не бійся; иды до кошового,—винъ простыть“. Дали дидъ показуе свою рушныцю и каже: „Тутъ, хоть якому звиру, спуску не дае!“—„Добра,—каже Семенъ, рушныця, а моя ще краща:—сегодня не такого звира убывъ“... „Ну,—каже дидъ,—за те, шо убывъ сатану, дарую тоби свою рушныцю, тико шануй... Будешъ ты велыкый лыцарь и побыватымешь непрыятеля; будешъ миняться, якъ мисяць: зостарієтся мисяць,—зостаріешься и ты; народыться молодыкъ,—будешъ молодымъ и ты... Вертайся-жъ, сыну, до кошового“.

Сказавъ це дидъ и Богъ его зна де дився, бо не простый чоловикъ винъ бувъ, а святый апостолъ. Помолывся Семенъ и пишовъ до кошового. Прыйшовъ та прямо въ куринь. А кошовый тико шо умывся, втераеться и молытву творе. Семенъ навколюшкы.—„А шо, каже, еретычый сыну, прыйшовъ?!“—„Не клады, каже, тату, велыкого гнива: то я спалывъ куринь“...—„Щастя жъ твое, шо не піймала погòня,—заколола-бъ“... Дали кошовый и каже: „За те, шо спалывъ куринь,—будь же ты, еретычый сыну, *Паліємъ*“...

Ставъ винъ козакувать, ставъ такый сылачъ, шо нихто его не подужа. Було якъ воюють козакы, то де Палій, тамъ и удача.—Выбралы его кошовымъ. Отъ прыихавъ Шведскій король, до проклятого Мазепы и давай воны пыть. Пылы, пылы, а потимъ и клыкнулы до себе Семена Палія. Король и каже: „Погуляймо, братци, та визьмемось рубаты въ пень москаля“. „Ни, недиждешъ!“—каже Семенъ Палій. Якъ схопыться король, якъ схопыться проклятый Мазепа,—та до Семена Палія... „Берить, вьяжить, слугы, сякого-такого!“... Взялы Семена Палія, закувалы рукы и ногы въ зализо и замуровалы въ темныцю. Не багато-жъ винъ тамъ сыдивъ не пывше и не ивше—двадцять годъ... Черезъ двадцять годъ пишовъ Шведъ войною на царя Петра, пишовъ зъ нымъ и проклятый Мазепа. Сталы пидъ Полтавою. У царя—сыла війська, а у Шведа и проклятого Мазепы ще бильша. Ставъ Шведъ побывать

Москаля, Петро и каже: „Дай мени, Шведе, хоть трохы спочыты!“ Той давъ. Петро пишовъ у свій станъ и пыта: „Чы нема, братци, мижъ вамы багатыря, або характерныка?“ Вызвався хлопець, 16-ты литъ, и каже: „Я бъ помигъ, та ще лита не выйшлы, а есть, каже, замурованный въ темныци, Семенъ Палій, — той побье Шведа“. Послався Царь за Паліємъ.—Одмуровалы его, глянулы,—ажъ у его борода и косы по колина, вусы по поясъ... Сорочка, штаны на ему опалы,—страшно и глянуть. Надилы одежу, пидвелы коня. Шо стане Семенъ Палій сидать,—конь такъ и вгрузне по колина. Стико не пидводылы, —не одынъ конь не здержавъ. Тоди прывелы царьского коня. Винъ сивъ и поихавъ. Пріизжае до царя. Царь посадывъ его за дубовый стилъ,— угощае и правды пытае. „Шо, каже, Семене Палію,—чы звоюемо Шведа?“—„Звоюемо, каже,—тико дай тры дни хлиба святого поисты, та спочыть“. У Шведа була баба хымородныця. Отъ глянула вона на Петрове військо и каже: „Ой, шось за напасть велыка буде на насъ... Велы, каже, королю, кувать коней назадъ гакамы, та нумо тикать“... Поки Шведъ покувавъ коней,—ось уже и Семенъ Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу одежу, сивъ на коня и сунувсь зъ військомъ на Шведа. Чы довго винъ тамъ бывся, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта Царя: „Бачышъ Шведа?“—„Бачу, каже: подався черезъ гору“. Выбигъ тоди Палій на кряжъ и пыта оньять: „А теперъ бачышъ?“—„Бачу, каже: одынъ другого черкае шаблямы“...—„А короля бачышъ?“—„Побигъ, каже. король степомъ, а за нымъ слидкомъ и проклятый Мазепа, ажъ курява зныласъ“... Якъ звоювавъ Палій Шведа, Петро и каже: „Ну, Семене Палію,—теперъ я дамъ тоби грошей, стико схочешъ, дамъ я тоби и паньски области“.—„Ни,— каже Палій,—не треба мени ни грошей, ни панськихъ областивъ: дай мени мылу Украину, за котру я двадцять литъ страждавъ,—больше я у тебе не прошу нычего“. Давъ Петро Палієви Украину и ставъ винъ выжывать ворогивъ. Якъ

вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъ зна де дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь жывый и, якъ ему Господь веливъ, миняеться якъ мисяць: старіе и молодіе.

Дѣдъ Евдокимъ Каплій, 70 л., дер. Краснокутовка, Александров. уѣзда, Екатериносл. губ., 17 января 1888 года.

Литература о Паліѣ: *Ригельманъ*—Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи 1847. III. *Костомаровъ*—Мазепа и мазепинцы 1885 г. и мн. др.

---

22) Кошевой Калнышевскій.

А.

Разореніе Сѣчи.—Бѣгство Запорожцевъ въ Турцію.

(Преданіе).

Запорожци просылы кошового Калныша: „Поидь, пане отамане, до царыци,—хай змылуеться,—бо чутка ходе, шо згонять насъ видсиль". „Ни, каже,—лучше поиду въ Кыивъ та помолюсь Пречыстій: вона скорише змылуеться". Поихавъ, помолывсь и вернувся. Ось незабаромъ и московське військо опынылось биля Сичи. Кошовый пишовъ въ церкву, а за нымъ увьязалась собачка, тай соби туды... Побачылы козакы и кажуть: „Э, братци,—це не передъ добромъ: зрада!"... „Давайте убьемо кошового!". Почувъ джура, та до кошового: „Такъ и такъ, пане кошовый: тикай, бо буде бида". Повьязавъ винъ голову кошовому платкомъ, веде въ бокови двери и просе: „Пропустить, каже, люды добри: у чоловика зъ носа кровъ пишла"... Пропустылы. Джура одвивъ его геть-геть и каже: „Иды, пане кошовый, у ту онъ хату, шо биля Пидпильнои: тамъ сховають". Кошовый въ хату, та на горище,—и прыкрылы его нехворощею... Сталы выходыть съ церквы, сталы шукать: и сюды, и туды,—нема

кошового... Баче Калнышъ кошовый, шо бида, диждавъ ночи, тай махнувъ въ московськый станъ... Махнувъ, кажуть, та уже бильше и не вертався: его закувалы въ зализо...

Обступывъ Москаль Сичъ и объявывъ: „Здавайтесь, хлопци, добромъ, бо буде бида!“ Стари запорожци тобъ-то и здаться, такъ молоди не те... Спалылы мистъ на Подпильній, забралы пушкы, ружжя въ плавню и ждуть, покы Москаль начне палыть... У Сичи бувъ протопопъ Ладымирь. Узнавъ винъ ихъ думку и почавъ совитувать: „Повышиться, каже, братци, не гнивить царыци! сыла, каже, не ривна: васъ багато, а москаля ще бильше; за це мылости вамъ не буде; лучше, каже, идить въ церкву помолымось: шо Богъ дасть‘ те и буде“... Послухалы де-яки попа, та на свою биду: не вспилы вийты въ церкву,—тутъ ихъ и закувалы въ зализо... Якъ почулы козакы, шо кошовый и отаманы въ зализахъ,—давай переганять дубы та байдакы съ Подпильной въ Павлюкъ, давай каптаны драть та конопатыть, давай складувать пушкы‘ ружжя... Управылысь, помолылысь, попасыпалы въ чоботы земли и пумъ сидать... Козакивъ сыла, а дубивъ мало: шо сядуть,—воны и тонуть... Шо-жъ его робыть? Давай тоди скыдать лышнихъ людей, давай рушать... Тоди Павлюкомъ якъ подалысь, якъ подалысь... Выихалы въ Днипро, якъ понапыналы паруса, та уже въ Турецыни знялы... Багато козакивъ подалось водою, багато и пишкы... Пиши сиромы чвалалы по надъ Днипромъ, а де забачять, було, каюкъ,—то той и ихъ... Тоди, кажуть, отъ Сичи до Лымана, у кого булы каюкы та байдакы, у кого булы водяни млыны,—и ти позаганялы въ Турецыну...

Жывуть, кажуть, и теперъ козакы въ Турецыни, жывуть и хлибъ идять не по нашему,—въ прывольи...

Дѣдъ Денисъ Грошовый, 70 лѣтъ, село Покровское (Сичъ) на Подпильной, Екатер. уѣзда‘ 13 іюня 1894 года.

Б.

Кошевой Калнышъ.—Дурное предчувствіе Запорожцевъ.—Атака Сѣчи. Бѣгство въ Турцію.—Воспоминаніе объ оставшихся послѣ разоренія Сѣчи запорожцахъ.—Казацкія урочища.

Передъ руйнованнямъ Сичи, кошовый Калнышъ збирався на богомилья въ Кынвъ, а передъ тымъ въ Сичи сталы выть собакы: выють тай выють! выють тай выють, що ночи! А дали якъ пиднялы пугачи: пугу тай пугу! пугу тай пугу! Пугукалы воны и въ капуливскихъ плавняхъ, и въ покровскихъ и въ Велыкому Лузи... Сумно стало козакамъ...

Разъ, въ недилю, пишовъ Калнышъ въ церкву, а за нимъ слидкомъ певелычке шашъ. „Ой, не передъ добромъ, братци, собака въ церкву вскочыла,“—обизвалысь козакы... Сталы выганять собачку,—ничого не зроблять: куда кошовый, туда и вона. Не выстоявъ кошовый обидни,—пишовъ до дому. Черезъ стико тамъ днивъ—де не взялось московське вийсько! Така сыла, така сыла, шо и окомъ не скынешъ!.. Въ плавняхъ, на гряди, жывъ козакъ Васюра. Отъ зибравъ винъ запорожцивъ и каже: „Не сумуйте, братци, и не шкодійте пороху!“... Сказавши це, осидлавъ коня и подався до кошового. Прыбигъ, вскочывъ на поригъ и спива:

Дозволь батьку, отамане,
Намъ на башти статы:
Москаль стане изъ мечамы,
А мы съ палашамы,
Не выбьемо палашамы,—
Выбьемъ кулакамы,
Нехай слава не поляже
Промижъ козакамы!..

Калнышъ ему и отспивуе:

Не дозволю, мыли братци,
Вамъ на башти статы,
Бо една кровъ, христіянська,
Грихъ намъ пролываты...

Васюра опьять на коня тай до куреня... Настала ничь. Зибралысь запорожци и давай збирать дубы та каюкы, давай переганять ихъ съ Пидпильнои въ Павлюкъ и ховать въ очерета. Управылись зъ дубамы, а потимъ взялы и запалылы мистъ на Пидпильній...

Це дiялось противъ недили. Стало свитать,—прыихавъ до ихъ пипъ, тай каже: „Не змагайтесь, хлопци, зъ москалемъ, бо его не звоюете, а тилько роздратуете!... Збирайтесь лучше до церквы, та помолымось видъ напасты святій Покрови". Хто послухавъ,—пишовъ, а бильше осталось въ плавняхъ конопатыть дубы.

Не довго и молылысь козакы,—вернулысь.

— А шо, кажуть братци,—знаете, де кошовый?

— А де?

— У Москаля въ зализахъ!...

— А пысари, судци?

— И ти тамъ... На Сичу нашу уже понаводывъ Москаль горлати пушкы...

Запорожци тоди посидалы на дубы и махнулы Днипромъ пидъ Турка... Не довго думавъ и Москаль: пооббиравъ церквы, забравъ все, шо було, и давай зганять видсиль козакивъ, давай межувать землю вельможамъ...

Писля того, якъ сквасовано Сичь, въ кануливськихъ плавняхъ оставалысь запорожськи диды—Усатый и харахтерныкъ Занудько. Усатый жывъ въ урочыщи *Паныдно*, у его бувъ одынъ тико довгый усъ, и коня кувавъ назадъ пидковамы. Занудько жывъ на ричци *Темній* и плодывъ бжолу. Довго ци и инчи жылы тутъ диды, а одъ ихъ повылысь и козацьки писни и балачка про запорожськый урядъ.

Запорожци жылы не такъ, якъ мы: хлиба у ихъ не повòдылось, а варылы саламаху зъ борошна и илы зъ медомъ, або зъ саломъ. Въ пистъ не погыбалы: рыба и тузлукъ у каждого булы невыводно.

Багато ще, кажуть, жыло запорожцивъ на *Нетриузъ*—ричци, на *Шахивци*, *Темныхъ Водахъ* и скризь на грядахъ, тико забувъ имъ прозвища.

Въ Капуливци, на *Скарбній*, стоялы, кажуть, запорожськи карабли. Якъ тикалы запорожци пидъ Турка, то багато, кажуть, сховалы казны и пушокъ въ Скарбній. Гроши, кажуть, замулылы въ ричку, въ миднихъ казанахъ, и будуть воны лежать покы свитъ сонця.

Дѣдъ Кондратъ Матрапасъ, 73-хъ лѣтъ, с. Капуловка, Екатериносл. уѣзда, 10 сентября 1896 года.

Литература: *Русская Старина* 1875 г. Ноябрь, ст. *П. С. Ефименко*, „Калнышевскій, послѣдній Кошевой Запорожской Сѣчи (1691—1803); *Эварницкій* —Послѣдній Кошевой атаманъ П. И. Калнышевскій; *Его же*—Исторія Запорожскихъ казаковъ 1900 г. I; *Скальковскій*—Исторія Новой Сѣчи 1885—86.

23) Переселеніе Задунайскихъ запорожцевъ въ Россію.—Кошевой атаманъ Осипъ Гладкій.

Разсказъ 86-ти лѣтняго Полкового Эсаула бывшаго Азовскаго казачьяго войска Андрея Ивановича Матвѣенко.

Я родился за Дунаемъ 4 іюля 1819 года и вышелъ въ Россію съ отцомъ и матерью въ 1828 году, передъ Пасхой. Хотя мнѣ было тогда 9 лѣтъ, но въ памяти хорошо запечатлѣлось задунайское приволье, гдѣ такъ много лѣсныхъ угодій, озеръ, рѣкъ и лимановъ. Почти каждый казакъ былъ охотникъ и рыбакъ вмѣстѣ, но рыбная ловля составляла главный промыселъ тогдашняго населенія. Станицы казацкія называли *куренямы* и въ каждой жилъ атаманъ. Всѣ курени носили названія по урочищамъ, по звѣрю, по птицѣ. Я родился въ станицѣ *Куликово поле*, гдѣ отецъ мой записанъ былъ казакомъ. Немало за Дунаемъ жило казаковъ, немало и бѣглыхъ людей. По разсказамъ отца, черезъ Дунай устроенъ былъ перевозъ и при этомъ-же перевозѣ, съ турецкой стороны, стояло три большія хаты для бѣглыхъ. Сначала тутъ ихъ довольствовали, а потомъ кошевой распредѣлялъ по куренямъ

и станицамъ. Въ каждомъ куренѣ также было по одной большой хатѣ для бѣглыхъ, гдѣ они оставались до пріисканія заработковъ или постояннаго пристанища. Изъ-за Дуная вывелъ насъ кошевой атаманъ *Осипъ Гладкій*, во время войны съ Турціей. Вотъ какъ объ этомъ разсказывалъ покойный отецъ. Когда пронесся слухъ, что Россія объявила войну, Турки потребовали на корабли 1000 отборныхъ казаковъ и велѣли быть наготовѣ противъ русскихъ. Въ это время изъ Измаилова пріѣхалъ въ Кошъ адъютантъ *Писаренко* и тайно началъ уговаривать кошевого, чтобы перешелъ на сторону русскаго Царя; при этомъ Писаренко прочиталъ какую то бумагу, гдѣ обѣщаны такія же вольности въ Россіи, какъ и за Дунаемъ. Кошевой *порадился* съ атаманами и сказалъ: „Нѣтъ, мы на такія условія не согласны: у насъ половина населенія—бѣглецы изъ Россіи и если намъ передаться русскому Царю, то за нами должны послѣдовать и всѣ бѣглые. А какая шана (участь) ихъ ожидаетъ въ Россіи? Если останутся,—турокъ всѣхъ ихъ перерѣжетъ“... Атаманы *замомонилы*: „Правду говоритъ кошевой: отвѣтъ мы должны дать передъ Богомъ. Тогда на чьей душѣ грѣхъ?“ Писаренко возвратился въ Измаиловъ и вскорѣ привезъ другую бумагу. Въ этой бумагѣ уже было сказано, что и бѣглымъ дана будетъ воля и одинаковыя съ казаками права. Кошевой согласился, а съ нимъ атаманы и старики. Слышно стало, что Царь Николай пришелъ съ войскомъ въ Измаиловъ. Поднялась страшная суматоха... Казаки стали собираться въ Измаиловъ, а остальное населеніе бросило хаты и повалило къ перевозамъ черезъ Дунай. Кошевой Гладкій по всѣмъ станицамъ разослалъ вѣстцовъ и издалъ приказъ, чтобы къ дунайскому перевозу со всѣхъ концовъ собирали паромы, байдаки, дубы и перевозили день и ночь. Иные успѣли забрать хозяйское добро и даже скотъ, другіе захватили только дѣтей да святыхъ (иконы), а было много и такихъ, которые вырвались съ душою... Не всѣ, однако, успѣли уйти отъ Турка! Тѣ,

что жили въ горахъ, далеко отъ Дуная, узнали объ этомъ не скоро, другіе пожелали остаться въ насиженныхъ мѣстахъ.

Черезъ два-три дня послѣ того, какъ запорожцы присягнули Николаю I, узналъ Турокъ, но пріостановить переселеніе запорожцевъ не могъ, такъ какъ у него не было лишняго войска. Тогда турецкіе паши отобрали оружіе отъ тѣхъ запорожцевъ, что были на корабляхъ, и отправили куда-то далеко разбирать старыя судна, а станицы велѣли пустить дымомъ (сжечь)... Много жестокостей проявили тогда турки къ оставшемуся русскому населенію, но зато много лѣтъ не переставали русскіе уходить оттуда и селиться въ станицахъ, основанныхъ Гладкимъ. Когда велась война съ Турціей, мой отецъ участвовалъ съ казаками въ битвѣ подъ командою Гладкаго, а по окончаніи войны Гладкій пожалованъ былъ генеральскимъ чиномъ и назначенъ паказнымъ атаманомъ казачьяго войска. Первый годъ, по переселеніи, казаки стояли по квартирахъ въ слободахъ, а потомъ, по выбору Гладкаго, имъ дана была земля вблизи Азовскаго моря и войско названо *Азовскимъ*. Гладкій основалъ тамъ станицы: Никольскую (Кальчикъ по рѣчкѣ), Стародубовку, Покровскую, Новоспасовскую и Петровскую, гдѣ, по началу, устроены были землянки, а потомъ уже хаты. Всѣмъ заслуженнымъ казакамъ дарована была земля: генералу Гладкому 1600 дес., полковникамъ и войсковымъ старшинамъ по 400 дес., войсковымъ эсауламъ, хорунжимъ и сотникамъ по 200 д. Всѣ эти чины завели свои хутора и усадьбы вблизи станицъ.

Императоръ Николай Павловичъ любилъ Гладкаго и ни въ чемъ не отказывалъ на войсковыя нужды. Въ станицахъ вскорѣ построены были церкви, школа и войсковое управленіе въ ст. Кальчикѣ (Никольскомъ). Первая церковь была вывезена изъ-за Дуная и поставлена въ Кальчикѣ; оттуда же выведенъ и священникъ. Генералъ Гладкій жилъ въ Кальчикѣ 9 лѣтъ, но не спокойно жилось ему по началу. Первые три года выпали неурожайные, всюду былъ голодъ, падежи и на-

конецъ холера. Въ довершеніе бѣдъ, саранча пожирала все до черной земли... Казаки обѣдиѣли и начали роптать на Гладкаго, что выбралъ голую степь, гдѣ ни лѣса, ни рыбныхъ угодій, которыми такъ обиловали задунайскія вольности. Однако настали урожайные годы, все было забыто и войсковыя станицы оправились, забогатѣли. По истеченіи 9 лѣтъ. Гладкій перевелъ войсковую канцелярію (Управленіе) въ Петровскую крѣпость.

Генералъ Гладкій росту былъ средняго, коренастый и волосы носилъ, какъ всѣ малороссы, „стожкомъ". Жилъ скромно, велъ хозяйство, но, по службѣ, всегда имѣлъ при себѣ 5 вѣстовыхъ казаковъ изъ разныхъ станицъ. Гладкій дожилъ до глубокой старости и умеръ въ г. Александровскѣ въ 1866 году, гдѣ ему поставленъ и памятникъ внуками.

Азовское казачье войско упразднено при Александрѣ II въ 1865 году и казаки въ теченіе 3-хъ лѣтъ переселялись на Кубань; въ 1867 году туда же переведена и ихняя войсковая канцелярія. Это все, что могу сказать о бывшемъ Азовскомъ казачьемъ войскѣ и кошевомъ атаманѣ Гладкомъ.

Могу еще добавить, по разсказамъ отца, что Осипъ Гладкій былъ кошевымъ за Дунаемъ три года, а передъ нимъ атаманувалъ старый казакъ *Гаджиха*. За Дунаемъ налоги платили туркамъ, при чемъ за сборомъ денегъ являлись одинъ разъ въ годъ турецкіе чиновники и проживали у казаковъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. За голоту платило общество, но счету этой голи ни кошевой, ни турки не знали. Да и трудно было знать: сегодня десять пришло, а завтра двадцать ушло, и шукай вѣтра въ полѣ...

С. Андреевка, Александров. уѣзда, 11 и 12 мая 1905 года.

---

24) Кошевой Задунайской Сѣчи и наказный атаманъ Азовскаго казачьяго войска, Осипъ Гладкій.

Ще за Катерины, якъ пишлы Запорожци пидъ турка. Давъ винъ имъ землю на Дунаи. Тамъ, кажуть, росла

лоза, лисъ. Поодбиравъ турокъ шабли, ружжя, пушкы. „Ловить, каже, хлопци, рыбу, а въ море не кыдайтесь, шобъ розбою не було“.

Спочатку скудно жылось: сіялы хлибъ, плодылы скотъ, бжолы, ловылы рыбу, а въ козацьке дило не вкыдалысь... Литъ черезъ пьятнадцять, кажуть, стало вольнише.—сталы опьять козакувать.

Бувъ у запорожцивъ кошовый, захожый зъ Самари[1]). Отъ зостарився винъ и каже: „Ну, хлопци, я вже не здужаю: выбирайте соби другого батька!“ А козакы дуже любылы старого кошового. Сталы воны раду збирать, сталы выбирать. Кого выберуть,—той отказуеться; хто самъ намагается,—того люды не хотять... Зибралысь воны вдруге, втрете,—никого не выбралы... Тоди до старого кошового: „Шо хочъ, тату: або пануй самъ, або нарàй инчого, кого знаешъ“... Покачавъ старый головою и каже: „Мижъ вàмы, хлопци, есть люды,—ось хоть бы и Йосыпъ *Гладкый*,—чымъ не козакъ!?“ Пидхватылы воны въ одынъ голосъ: „Гладкый, Гладкый“... Найшлы того Йосыпа и потяглы до громады. Съ того часу и ставъ у Сичи отаманувать Гладкый[2]).

Черезъ мале времня старый кошовый ставъ померать и поклыкавъ Гладкòго. „Ну, каже, Йосипе, послухай мого совиту! Якъ хочешъ панувать, то не продавай Хреста бусурманамъ! Туркамъ, каже, корысь, а на Украину дывысь: то наша ридна ненька, а не це!“

Не успилы поховать старого кошового, ажъ ось чутка пишла, шо турокъ объявывъ нашему цареви войну... Понабигалы въ Сичь турецьки баши, понавозылы шàбель, рушныць, пушокъ и давай муштровать... Дàли почулы, шо нашъ Царь зъ військомъ уже на Дунаи и шо турокъ велыть козакамъ рукы здіймать противъ своихъ. Гладкый зибравъ 40 тысячъ війська, посадывъ на дубы и махнувъ въ Змàиловъ

[1]) Изъ г. Новомосковска, Екатерин. губ., на р. Самари.

[2]) По улычному его звалы *Бондарь*.

Разсказчикъ.

до Царя... Прыихалы козакы, высадылысь на берегъ и впалы Царемъ навкòлюшкы. „Просты насъ, батьку, билый Царь,— сказавъ Гладкый—и прыймы пидъ свою руку“... Глянувъ Царь Мыколай на таку сылу вiйська и заплакавъ... „Прощаю васъ, запорожци, я, прощае и вотчына моя! Идить, каже, и служить вирно“...

Дознавсь турокъ, шо козакы зрàдылы и метнувся до коша... Все, шо зосталось, порубавъ, попсувавъ, сплюндровавъ, пустывъ дымомъ...

Инчи зъ людей перекынулысь черезъ Дунай и подалысь на Украину, а инчи выховалысь по лисамъ, та очеретамъ, осталысь жыть тамъ. Лыбонь то козакы и теперъ есть на Дунаи, тико уже потуречылысь...

Якъ кончылась война, сталы запорожци просыть Царя, шобъ давъ землю за порогамы. „Ни,—каже Царь—тамъ уже завелысь слободы, а поселю васъ биля Азовського моря“. Поселывъ ихъ и назвавъ Азовськымы козакамы. Тутъ жылы воны литъ сорокъ, и Гладкый надъ нымъ отаманувавъ. Пры Олександри, якъ сталы ихъ повертать въ мужыкы, воны попродалы шо було и подалысь козакувать въ Чорноморiю. Ихни слободы—Кальчыкъ, Новоспасивка, Стародубивка, Покровська и Петровська йдоси есть, тико тамъ уже мало зосталось козацького поколиння, а жывуть мужыкы.

Колысь тутъ, кажуть, степъ бувъ дыкый а биля ричкы *Берды,* де слободы Стародубивка и Новоспасивка, державъ разбой воръ *Засорынъ*. Винъ багатихъ грабувавъ, а биднихъ надилявъ; про его и писня есть.

Дѣдъ Игнатъ Кашпиръ, 93 лѣтъ, с. Крестовка, Маріупольскаго уѣзда, 29 декабря 1904 г.

Въ день посѣщенія, разсказчикъ обладалъ удовлетворительнымъ здоровьемъ и проявилъ удивительную словоохотли-

вость и гостепріимство. Полтавецъ по рожденію, онъ молодые годы провелъ между Азовскими казаками и, поселившись въ с. Крестовкѣ, близъ ихъ станицъ, часто косилъ сѣно у Наказнаго Атамана Осипа Михайловича Гладкаго.

Я. Н.

Литература. Русская Старина, 1881, т. II.,—біографія Осипа Михайл. Гладкаго, написанная его сыномъ полков. Вас. *Гладкимъ; Кіевская Старина* 1883 г., февраль, ст. *Кондратовича* „Задунайская Сѣчь".—Статья нѣсколько пристрастная; *Скальковскій*—Исторія Новой Сѣчи. 1886 г., III; *Эварницкій*—„Запорожье"—1888 г., II.

Оглавленіе.

Отдѣлъ 1-й.

а) Урочища праваго берега Днѣпра.

СТРАН.

Предисловіе 3
1) Балка Гадючая 5
2) „ Бабурка и давніе яе обитатели 6
3) „ Бабурка и р. Средняя Хортица 7
4) Рѣка Нижняя Хортица 9
5) Урочище Бѣляй-Пески 11
6) Лысая гора, Крутой Яръ и Канивское 14
7) „ „ и креница Андрея Первозваннаго . . 16

б) Урочища лѣваго берега Днѣпра.

8) Урочище Сагайдачное при Днѣпрѣ 16
9) Рѣка Московка и урочища по ней 20
10) Рѣчка Кушугумъ 21
11) Рѣки Волчья и Конка 22
12) Шпыль—гора 23
13) Битый запорожскій шляхъ и Баштовые дубы въ Великомъ Лугу. А. 24
— Баштовые дубы и могилы. Б. 25
14) Урочища въ Великомъ Лугу (два разсказа) . . 26
15) Кучугуры 29
16) Кобыльная балка и Кобыльная рѣчка 30
17) Могилы: Бѣльмакъ, Токмакъ и Каменныя . . . 31

Отдѣлъ II.

Историческія лица.

18) Кошевой Сирко. А, Б и В. . . . . 34 и 35
19) Князь Долгорукій и Сирко 36
20) Хмельницкій и его плавня.—Долгорукій и Сирко.—Чалый 37
21) Семенъ Палій 39
22) Кошевой Калнышевскій. А. и Б. . . . . 42 и 44
23) Переселеніе Задунайскихъ запорожцевъ въ Россію.—Кошевой Осипъ Гладкій 46
24) Кошевой Задунайской Сѣчи и наказный атаманъ Азовскаго казачьяго войска Осипъ Гладкій . 49

У составителя имѣются слѣдующія изданія:

1) Исторія г. Александровска въ связи съ исторіей возникновенія крѣпостей Днѣпровской линіи 1770—1806 г.г. (съ картой и рисункомъ Покровскаго Собора 1788 г.). Екатеринославъ, 1905 г. **Ц. 80 к.**

2) Съ береговъ Днѣпра. Записки и изслѣдованія. (Оттиски изъ Сборника Екатериносл. Научн. Общ.). 1905 г. (Ограничен. число). **Ц. 1 р. 50 к.**

3) Малорусская и запорожская старина. Преданія и разсказы. Александровскъ, 1907 г. **Ц. 15 к.**

4) Малорусскія народныя преданія, повѣрія и разсказы. Александровскъ, 1907 г. **Ц. 20 к.**

5) Запорожскіе и гайдамацкіе клады. Александровскъ, 1908 г. **Ц. 50 к.**

Цѣна 30 коп.